

что речь идет лишь о предполагаемой в п и с ь м е профессора Марии Хёфнер в о з м о ж н о с т и восстановления h[đmt] ⁷.

А. Г. Лундин считает, что моя полемика с ним по этому вопросу («Ответ», стр. 122 и прим. 19) неудачна. Видимо, он меня не понял. Никакой полемики здесь нет, ибо нет основы для ее возникновения. Эстампаж не издан, его нет ни у меня, ни у Лундина. Все издатели предлагаемого Лундиным восстановления не дают, хотя эпонимная группа НДМТ ко времени издания текста СИН, 609 была уже известна. О чем спорить?

Дальнейшее содержание «Ответа» уже касается сущности спорных проблем. А. Г. Лундин упрекает меня в создании системы на основе «принципиальной ошибки методического характера» («Ответ»; стр. 122). За отсутствием места я лишен возможности касаться всех проблем, да и не к этому я стремился, взявшись за это письмо. Я хочу лишь сказать, что не создавал никакой системы и не выдумывал никаких гипотез. Систему создавал А. Г. Лундин. Моя задача состояла лишь в том, и я особенно это подчеркиваю, чтобы разобрать элементы его системы, показать — там где это было необходимо — их или неправдоподобие, или ошибочность, показать, что сам по себе каждый элемент может дать основание для совершенно иных выводов (и действительно их дает) и что из к р и т и ч е с к и р а з о б р а н н ы х элементов системы Лундина не организуется сама система, долженствующая состоять из этих элементов.

Все нелепицы, которые приводит А. Г. Лундин как якобы следствия моей системы, не имеют ко мне ни малейшего отношения. Я, повторяю, не создавал системы. А. Г. Лундину следовало бы просто опровергнуть мои доводы, основанные на интерпретации материала, и доказать мне (если он действительно хотел со мной спорить), что он прав именно при интерпретации м а т е р и а л а. К сожалению, он ничего не ответил по существу.

Г. М. Бауэр

⁷ См. ЛудССЭ, стр. 86, прим. 19.

ПРИЛОЖЕНИЕ

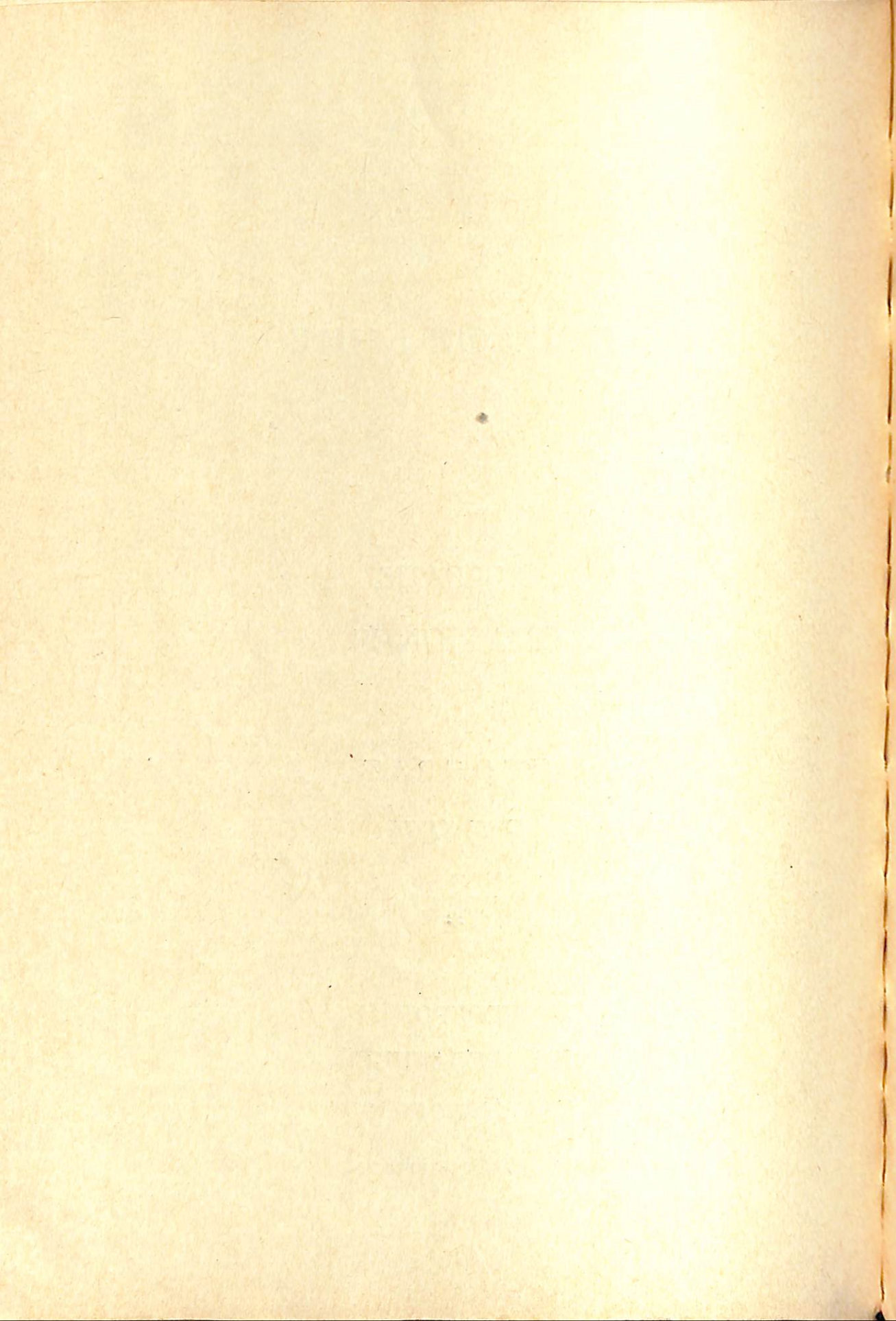
ISOCRATIS
ORATIONES

ИСОКРАТ
РЕЧИ

*

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОВОЙ

(Продолжение)

XVI. ОБ УПРЯЖКЕ *

Речь «Об упряжке» написана Исократом для Алкивиада Младшего, которому некий Тисий предъявил иск о возмещении материального ущерба, причиненного ему Алкивиадом-отцом, знаменитым стратегом времени Пелопоннесской войны. Последний якобы присвоил себе упряжку лошадей, принадлежавшую Тисию, и выставил ее от своего имени на состязаниях в Олимпии в 416 г. до н. э. Очевидно, бурные события последующих лет помешали Тисию добиться удовлетворения от самого Алкивиада, и теперь, спустя несколько лет после его смерти, он решил вчинить иск его сыну. Об этой истории с упряжкой упоминают и другие авторы — Псевдо-Андокид (IV, 25—29), Диодор (XIII, 74) и Плутарх (Alcib. 12), причем у Псевдо-Андокида и Диодора в качестве истца назван не Тисий, а Диодем, по-видимому, вследствие какой-то путаницы, допущенной их общим источником (Плутарх знает обе версии, но не берется судить, какая более правильна).

Процесс, а вместе с тем и речь датируются приблизительно 396/5 г. (*terminus post quem* — гражданское совершеннолетие Алкивиада Младшего, родившегося около 416 г., *terminus ante quem* — Коринфская война, о которой в этой речи Исократ не еще никаких упоминаний). Сохранилась лишь заключительная часть речи, где Алкивиад-сын, ответив уже Тисию по существу дела, берется защитить память отца от всяких вообще оскорблений, которым она подвергается со стороны врагов. Быть может, это не случайно: в таком именно виде эта речь могла быть предназначена к публикации и самим ее автором — не столько уже как судебная речь, сколько как речь эпидейктическая, похвальная, посвященная прославлению Алкивиада Старшего. Это могло состоять в связи с общим интересом к личности Алкивиада в греческой публицистике начала IV в. (ср. отражение той же темы у Лисия в речах XIV и XV, но в отрицательном плане, с позиций, враждебных Алкивиаду). Речь представляет большой интерес и с литературной точки зрения, как один из ранних образцов Исократовых эпикомиев — похвальных речей, посвященных отдельным личностям, и с исторической, давая возможность судить о развитии монархических идей в греческой публицистике IV в. (о трактовке Исократом темы Алкивиада ср. «Филипп», 58—61).

(Начало речи не сохранилось)

(1) Итак, что касается упряжки лошадей, а именно, что мой отец получил ее, не отобрав у Тисия, а купив у города аргивян, то об этом вы выслушали уже свидетельские показания как послов, прибывших оттуда, так и прочих осведомленных лиц. Однако все привыкли чернить меня одним и тем же способом. (2) Ибо жалобы мои противники подают по поводу личных дел, а с обвинениями выступают по поводу государственных, и больше времени тратят на измышление клеветы против моего отца, нежели на разъяснение того, что они заявили под присягой¹. При этом они проявляют такое неуважение к законам, что считают себя вправе требовать от меня удовлетворения за те обиды, которые, как они утверждают, вы все претерпели от моего отца. (3) Я же считаю, что политические обвинения не должны иметь

* Перевод Э. Д. Фролова.

¹ Перед началом суда обе стороны подтверждали свои показания под присягой и клялись «говорить по существу дела» (Aristot., Ath. pol. 67, 1).

никакого отношения к частным процессам. Тем не менее, поскольку Тисий часто попрекает меня изгнанием моего отца и больше старается о ваших, нежели о своих интересах, необходимо ответить на эти нападки. Ибо мне было бы стыдно, если бы кто-нибудь из граждан подумал, что о репутации отца я забочусь меньше, чем о собственном спасении.

(4) Разумеется, для людей старшего поколения было бы вполне достаточно краткого напоминания, ибо все знают, что одни и те же были виновниками и ниспровержения демократии, и изгнания из города моего отца. Однако имея в виду молодежь, тех, кто уже не застал этих событий, но зато наслушался о них от клеветников, я начну свой рассказ несколько издалека.

(5) Люди, которые первыми составили заговор против народа и установили правление Четырехсот², в свое время делали предложения и моему отцу. Но так как он не пожелал быть заодно с ними, то они, видя, как энергичен он в делах и каким доверием пользуется у народа, решили, что им не удастся изменить ни одного из существующих установлений до тех пор, пока они не удалят его со своей дороги. (6) Зная, что граждан более всего может оскорбить: в делах религии — если кто-нибудь будет уличен в прегрешениях против мистерий³, а во всем прочем — если кто-нибудь вознамерится свергнуть демократию, они сфабриковали оба эти обвинения и выступили в Совете с чрезвычайным заявлением, утверждая, что мой отец организует тайное общество для устройства государственного переворота и что во время пирушки в доме Пулитиона он со своими товарищами справлял мистерии⁴. (7) Граждане были возбуждены серьезностью этих обвинений и поспешно созвали народное собрание. Однако мой отец так ясно показал⁵ лживость предъявленных ему обвинений, что народ с удовольствием подверг был наказанию самих обвинителей; напротив, отца моего при голосовании поднятием рук избрали в стратеги для похода в Сицилию⁶. После этого мой отец отплыл в Сицилию, полагая, что он уже освободился от обвинения. Однако его враги, настроив соответствующим образом Совет и подчинив своему влиянию ораторов, вновь стали раздувать это дело и подсылать доносчиков. (8) Но стоит ли здесь много говорить? Ведь они не успокоились до тех пор, пока отца моего не отозвали из армии⁷, а из друзей его — одних убили, а других изгнали из государства. Узнав о могуществе врагов и несчастьях, постигших близких ему людей, и считая вопиющей несправедливостью, что его не стали судить, пока он был в Афинах, а обвинили в его отсутствие, отец мой даже при таких обстоятельствах не пожелал уйти к неприятелю. (9) Наоборот, он проявил такую заботу о том, чтобы даже в изгнании ни в чем не погрешить против собственного государства, что удалился в Аргос и там оставался в бездей-

² Речь идет об олигархическом правительстве, которое пришло к власти в Афинах в 411 г. до н. э. в результате государственного переворота.

³ Имеются в виду Элевсинские мистерии — празднества в честь богинь Деметры и Керы, справлявшиеся афинянами в обстановке особой торжественности. К участию в этих празднествах допускались лишь посвященные, от которых требовалось строгое соблюдение тайны.

⁴ Эти обвинения были предъявлены Алкивиаду накануне отплытия в Сицилию, летом 415 г. до н. э. Ср. *A n d o c.*, I, 11 сл.; *T h u c.*, VI, 27—29; *P l u t.*, *Alcib.* 17 сл.

⁵ Автор допускает неточность: Алкивиад действительно потребовал немедленного суда, однако его требование не было удовлетворено.

⁶ Опять неточность (и, по-видимому, сознательная): назначение Алкивиада состоялось задолго до того как начались процессы над «святотатцами» (см. *T h u c.*, VI, 8; *A n d o c.*, I, 11; *P l u t.*, *Alcib.* 18; *Nic.* 12).

⁷ За Алкивиадом в Сицилию был послан специальный корабль «Саламиния»: афинское правительство требовало, чтобы Алкивиад явился в Афины на суд. Алкивиад сначала подчинился, но по дороге на родину, в итальяйском городе Фуриях скрылся от своих провожатых и бежал в Пелопоннес (*T h u c.*, VI, 53, 60—61; *P l u t.*, *Alcib.* 21—23).

ствии; враги же его дошли до такой наглости, что убедили вас начать преследовать его по всей Элладе, записать его имя не стеле⁸ и, отправив послов, требовать его выдачи у аргивян. Не зная, как поступить в таких тяжелых обстоятельствах, отовсюду гонимый, он вынужден был в конце концов, поскольку не видно было для него никакого другого спасения, искать убежище у лакедемонян.

(10) Таковы истинные факты. Однако наглость врагов все еще столь велика, что, хотя мой отец был изгнан вопреки всем законам, они продолжают обвинять его в свершении страшных преступлений, клеветнически утверждая, что это он дал совет укрепить Декелею⁹, склонил к отпадению острова и стал наставником неприятелей. И если в иное время они прикидываются, будто презирают его¹⁰, (11) заявляя, что он ни в чем не отличался от других, то теперь они обвиняют его во всем случившемся, утверждая, что это от него лакедемоняне научились тому, как надо воевать, — лакедемоняне, которые сами в состоянии обучать этому других! Конечно, если бы у меня было достаточно времени, то я легко смог бы доказать, что в одних случаях поступки отца были совершенно оправданы, а в других он подвергается несправедливым обвинениям. Всего ужаснее, однако, было бы, если бы я пострадал из-за отцовского изгнания, между тем как он сам после этого изгнания удостоился награды¹¹.

(12) Впрочем, я считаю, что он с полным правом мог бы рассчитывать на ваше снисхождение. Ведь изгнанные Тридцатью¹², вы подверглись тем же испытаниям, что и он. Поэтому вы должны вспомнить, в каком положении оказался тогда каждый из вас, какие намерения он имел и на какие опасности он не пошел бы, чтобы только покончить с жизнью на чужбине, возвратиться в свое отечество и покарать тех, кто его изгнал. (13) К какому только городу, другу или гостеприимцу не обращались вы тогда с просьбами помочь вашему возвращению! На что только вы не шли, пытаясь возвратиться на родину! Разве, заняв Пирей, вы не уничтожали в сельской местности хлеб, не опустошали страну, не сожгли предместья, не бросились под конец на штурм самих стен?¹³ (14) Поступать так вы считали для себя первейшим долгом — до такой степени, что поведение тех ваших товарищей по изгнанию, которые оставались в бездействии, возмущало вас еще больше, чем поступки людей, виновных в ваших несчастях. Поэтому несправедливо порицать тех, кто руководствовался одинаковыми с вами стремлениями. Более того, дурными надо считать не тех, кто, находясь в изгна-

⁸ На каменных стелах были записаны приговор и проклятия, которым предали Алкивиада афинские жрецы (N e p., Alcib. 4). В 407 г. до н. э., когда Алкивиад торжественно возвратился в Афины, эти стелы были брошены в море (D i o d., XIII, 69; N e p., Alcib. 6).

⁹ Находясь в изгнании, Алкивиад действительно посоветовал спартамцам захватить Декелею — местечко, расположенное на расстоянии всего лишь 20 км от Афин. Опираясь на этот пункт, спартанская армия стала систематически разорять афинскую территорию (T h u c., VI, 91, 93; VII, 18—19, 27—28; P l u t., Alcib. 23; N e p., Alcib. 4). Естественно, что противники Алкивиада не упускали случая напомнить афинянам об этом факте из его биографии (см. L y s., XIV, 30).

¹⁰ Ср. L y s., XIV, 37.

¹¹ После триумфального возвращения на родину в 407 г. до н. э. Алкивиад не только получил компенсацию за ранее конфискованное имущество, но и был увенчан золотым венком (P l u t., Alcib. 33; N e p., Alcib. 6; ср. также L y s., XIV, 31).

¹² Имеется в виду олигархическое правительство Тридцати тиранов, пришедшее к власти в Афинах по окончании Пелопоннесской войны. За время своего правления (404—403 гг. до н. э.) Тридцать тиранов казнили или изгнали из города множество сторонников демократии.

¹³ Пытаясь оправдать поведение Алкивиада, который в изгнании причинил много вреда своему отечеству, оратор ссылается на действия демократов, изгнанных Тридцатью тиранами. Неправомерность такого рода сравнений бросалась в глаза уже древним (ср. L y s., XIV, 32—33).

нии, стремился вернуться ¹⁴, а скорее тех, кто, оставаясь в городе, совершил поступки, заслуживающие изгнания. Равным образом, чтобы судить о качествах моего отца как гражданина, не следует начинать с того времени, когда все связи между ним и нашим государством были порваны; (15) нет, надо оглянуться на то, другое время, и вспомнить, каким он был по отношению к народу до своего изгнания, как с помощью всего лишь двухсот гопплитов он склонил к отпадению от лакедемонян и сделал вашими союзниками величайшие города в Пелопоннесе ¹⁵, в какие опасности он вверг тогда лакедемонян и как он выполнял обязанности стратега в Сицилии. Ибо за все это вам подобает испытывать признательность к нему, а за несчастья, случившиеся во время его изгнания, вы можете с полным правом винить тех, кто его изгнал.

(16) А теперь вспомните сами, как много добра совершил он для города, когда возвратился из изгнания, и, еще раньше, при каких обстоятельствах вы приняли его обратно: демократия была ниспровергнута, граждане были объаты смутой, войны находились во вражде с поставленными здесь правителями ¹⁶, причем обе стороны дошли до такого иступления, что ни у тех, ни у других не оставалось уже надежды на спасение. (17) Ибо одни видели в тех, кто владел городом, худших врагов, чем лакедемоняне, другие же, наоборот, слали за помощью в Декелею, считая, что лучше передать отечество неприятелю, чем разделить права гражданства с людьми, сражавшимися за город ¹⁷. (18) И вот, когда граждан обуревали такие настроения, а враги одерживали верх и на земле, и на море, когда у вас совсем не было денег, а неприятелю их предоставлял персидский царь ¹⁸, когда вдобавок девяносто кораблей явились из Финикии в Аспенд и приготовились выступить на помощь лакедемонянам ¹⁹, когда город подвергался столь страшным испытаниям и таким ужасным опасностям, — (19) в этих условиях, получив приглашение от наших воинов, мой отец не возгордился по поводу настоящего, не стал упрекать за прошлое и не задумался о будущем, но сразу сделал для себя выбор: лучше подвергнуться какой угодно участи вместе со своим государством, чем разделять успехи лакедемонян. Таким образом он всем показал, что враждовал лишь с изгнавшими его, а не со всеми вами, и что стремился вернуться в свой город, а не погубить его. (20) Оказавшись снова вместе с вами, он убедил Тиссаферна ²⁰ не предоставлять больше денег лакедемонянам; он положил конец отпадению ваших союзников, выдал из собственных средств плату воинам, возвратил народу политические права, примирил граждан, заставил повернуть обратно финикийские корабли. (21) А сколько он после этого захватил триер или выиграл сражений, сколько городов взял силой или склонил на вашу сторону

¹⁴ Ср. Th u c., VI, 92, 2—4, где подобные же рассуждения вложены в уста самого Алкивиада.

¹⁵ Об этой экспедиции Алкивиада в Северный Пелопоннес (419 г. до н. э.) см. Th u c., V, 52, 2.

¹⁶ Речь идет о событиях 411 г. до н. э. Афинский флот, стоявший у Самоса, отказался поддержать олигархов, пришедших к власти на родине, и это явилось причиной их скорого падения.

¹⁷ По свидетельству Фукидида, воины, находившиеся на Самосе, собирались идти походом на Афины, от чего их отговорил Алкивиад (Th u c., VIII, 82 и 86); в свою очередь олигархи, заседавшие в Афинах, вступили в переговоры со Спартой и были готовы впустить неприятеля в город, лишь бы только удержаться у власти (там же, VIII, 90 сл.).

¹⁸ Персия оказывала Спарте финансовую поддержку начиная с 412 г. до н. э. (см. тексты договоров, которые Спарта заключила с Персией в 412/1 г., — Th u c., VIII, 18, 36—37, 57—59).

¹⁹ Ср. Th u c., VIII, 87 сл.

²⁰ Тиссаферн — персидский сатрап, управлявший западными областями Малой Азии.

убеждением ²¹, — обо всем этом рассказать в отдельности было бы очень трудно. Как бы то ни было, хотя городу угрожали в тот момент многочисленные опасности, ни разу, пока командование принадлежало моему отцу, врагам не удавалось поставить трофеев в знак победы над вами.

(22) Конечно, я сознаю, сколь много я опустил из того, что можно было рассказать о деятельности моего отца как полководца. Я не стремился здесь к обстоятельному изложению именно потому, что почти все вы храните в памяти его деяния. Впрочем, враги с исключительной наглостью и бесстыдством поносят также и остальную его жизнь, причем они не стесняются высказываться о мертвом с такой смелостью, с какой они побоялись бы говорить о живом. (23) Их безумие зашло так далеко, что они всерьез рассчитывают прославиться и в ваших глазах, и среди других эллинов, извергая на моего отца как можно больше хулы, как будто все не знают, что и самым никчемным людям позволено с наглостью отзываться не только о прославленных мужах, но даже о богах. (24) Конечно, быть может, это бессмысленно — обращать внимание на все, что они говорят. Тем не менее я очень хочу рассказать вам об образе жизни моего отца. При этом я начну несколько издали и упомяну о наших предках, чтобы вы знали, что с давних пор нам более всего, сравнительно с другими гражданами, свойственно придерживаться благородного образа действий.

(25) Действительно, мой отец происходил по мужской линии из рода Эвпатридов, о чьей знатности легко судить по самому их имени ²², по женской же — из рода Алкмеонидов ²³, которые оставили прекраснейшую память о своем богатстве, ибо Алкмеон первым из наших граждан победил на Олимпийских играх в состязании парных колесниц. Что же касается их преданности народу, то они доказали ее в период тирании. Ведь хотя они приходились родственниками Писистрату ²⁴ и до его прихода к власти были связаны с ним дружбой более, чем с кем-либо другим из граждан, тем не менее они не сочли для себя возможным разделить с ним тираническую власть, но предпочли скорее уйти в изгнание, чем видеть своих сограждан в рабстве ²⁵. (26) В течение сорока лет, пока продолжалась эта смута ²⁶, наши предки, более чем кто-либо другой, внушали тиранам страшную ненависть, так что всякий раз, когда дело тиранов побеждало, они не только срывали дома своих противников, но даже разрывали их могилы ²⁷. Напротив, со стороны товарищей по изгнанию наши предки пользовались

²¹ Среди побед, одержанных Алкивиадом на море после того как он примкнул к демократам на Самосе, самая значительная — при Кизике в начале 410 г. до н. э. (Xen., *Hell.* I, 1, 41—48; *Diod.*, XIII, 49—51; *Plut.*, *Alcib.* 28). Эти успехи позволили восстановить афинское владычество в проливах: были захвачены города Кизик, Перинф, Селимбрия и Византий (Xen., *Hell.* I, 1, 49—22; 3, 1 сл.; *Diod.*, XIII, 64, 66 сл.; *Plut.*, *Alcib.* 29—31).

²² Эвпатриды (*Εὐπατρίδαι*) — букв. «сыновья славных отцов». Здесь говорится именно о конкретном афинском роде, а не о сословии эвпатридов. Ср. I. Oehler, *RE*, Bd. VI, 1909, стб. 1165, s. v. *Εὐπατρίδαι*, 2.

²³ Диномаха, мать Алкивиада, была внучкой Алкмеонида Клизфена, знаменитого афинского реформатора.

²⁴ Писистрат принадлежал к знатному роду Филаидов, которые были связаны брачными узами с Алкмеонидами. Сам Писистрат в третий раз был женат на дочери Алкмеонида Мегакла — главы партии паралиев (*Aristot.*, *Ath. pol.* 14—15; *Her.*, I, 60—61).

²⁵ Ср. *Her.*, I, 64; V, 62 сл.; VI, 123.

²⁶ Продолжительность смутного времени определяется нашим оратором весьма приблизительно. Фактически период тирании в Афинах обнимает собою полвека: от 560 г. до н. э., когда Писистрат в первый раз овладел Акрополем, и до 510 г., когда из Афин были изгнаны последние Писистратиды.

²⁷ Очевидно, это делалось под предлогом того, что Алкмеониды были «нечестивцами»: во время Килоновой смуты (около 640 г. до н. э.) они коварно перебили своих противников, и с тех пор над ними тяготело проклятие (ср. *Aristot.*, *Ath. pol.* 1; *Her.*, I, 61; V, 71; *Thuc.*, I, 126, 12; *Plut.*, *Sol.* 12).

столь сильным доверием, что все это время оставались вождями народа. В конце концов Алкивиад и Клизфен, прадеды моего отца, один — по отцовской линии, а другой — по материнской, предводительствуя изгнанниками, вернули власть народу и изгнали тиранов²⁸. (27) При этом они установили тот демократический строй, благодаря которому наши граждане получили столь доблестное воспитание, что одни победили в битве варваров, напавших на всю Элладу²⁹, а своей справедливостью стяжали себе такую славу, что эллины сами, по собственной воле вручили им власть на море³⁰; в результате город наш они вознесли на такую высоту и в отношении могущества, и в других отношениях, что те, кто величает его столицей Эллады³¹ и привык использовать другие подобные же преувеличения, кажутся говорящими сущую правду.

(28) Вот какую любовь к народу унаследовал мой отец от своих предков — древнюю, подлинную, нашедшую выражение во множестве величайших услуг! Сам он остался сиротой, ибо его отец погиб, сражаясь с врагами при Коронее³². Его опекуном стал Перикл³³, который, как все соглашались, был самым благоразумным, самым справедливым и самым мудрым из граждан. Я думаю, что это тоже славный признак: быть отпрыском столь знаменитого рода и, сверх того, иметь своим опекуном, кормильцем и воспитателем человека таких высоких моральных качеств. (29) Достигнув совершеннолетия³⁴, мой отец ни в чем не отступил от тех славных традиций, о которых я только что упомянул. Он не допускал и мысли о том, чтобы самому вести беспечный образ жизни и гордиться лишь доблестью предков. Напротив, он с самого начала проникся столь высокими мыслями, что решил, что и об их деяниях люди должны помнить именно благодаря его подвигам. И прежде всего, когда Формион отправился во Фракию с тысячью афинян, лучшими, каких он мог набрать³⁵, мой отец выступил вместе с ними и так проявил себя в опасностях, что был награжден венком и получил от стратега полное вооружение³⁶. (30) Спрашивается, однако, какие подвиги надо совершить человеку, чтобы удостоиться величайших похвал? Не должен ли он, участвуя в походах вместе с лучшими из граждан, завоевывать первые награды или же, командуя войсками в войнах с сильнейшими из эллинов, выходить победителем из всех сражений? Так вот, одного мой отец достиг еще юношей, другое же совершил, когда стал старше.

(31) Затем он женился на моей матери; думаю, что и ее тоже он получил в качестве награды за доблесть. Ее отец Гиппоник своим богатством выделялся из всех эллинов, а благородством происхождения не уступал никому из граждан; он пользовался наибольшим почетом и уважением среди современников. За своей дочерью он давал огромное приданое и славное имя; об этом браке мечтали все, его добивались лучшие из граждан. Тем не

²⁸ В 510 г. до н. э.

²⁹ Имеется в виду второй поход персов на Грецию и битва при Марафоне (490 г. до н. э.).

³⁰ В 477 г. до н. э. Речь идет об образовании Первого Афинского морского союза.

³¹ В подлиннике — ἡστὶ τῆς Ἑλλάδος. То же выражение встречается у Исократ в речи «Об обмене состоянием» (XV, 299).

³² Имя отца Алкивиада — Клиний. В сражении при Коронее (447 г. до н. э.) афиняне были наголову разгромлены беотийцами.

³³ Перикл был двоюродным братом матери Алкивиада Диномахи.

³⁴ Собственно: «пройдя проверку» (δοκιμασθεὶς). Афинские юноши заносились в списки совершеннолетних граждан по достижении 18 лет. При этом они подвергались соответствующей проверке (докимасии) сначала на собрании членов своего дема, а затем перед Советом Пятисот (см. A r i s t o t., Ath. pol. 42).

³⁵ Отряд Формиона был послан на помощь войскам, осаждавшим Потидею (весной 431 г. до н. э., в самом начале Пелопоннесской войны) (см. T h u c., I, 64).

³⁶ Ср. P l a t., Conv. p. 220 de; P l u t., Alcib. 7.

менее из всех претендентов Гиппоник выбрал именно моего отца и его пожелал сделать своим зятем ³⁷.

(32) Примерно в то же самое время отец обратил внимание на то, каким почетом пользуются среди всех людей Олимпийские празднества. Он видел, что эллины демонстрируют на них свое богатство, силу и воспитание, что атлеты окружены всеобщим восхищением, а города победителей становятся знаменитыми. Кроме того, он пришел к убеждению, что литургии, выполняемые здесь, на родине, совершаются людьми ради собственной славы и на глазах одних лишь сограждан, тогда как расходы, связанные с участием в этих празднествах, способствуют прославлению родного города в глазах всей Эллады. (33) Проникнувшись такого рода мыслями, он, хотя и не уступал никому в физическом развитии и силе, все же отнесся с пренебрежением к гимнастическим состязаниям, ибо знал, что среди атлетов встречаются люди низкого происхождения, представляющие незначительные города и получившие лишь самое жалкое воспитание. Для себя он выбрал содержание скаковых лошадей, занятие, которое по силам лишь самым состоятельным людям и за которое не возьмется какой-нибудь дрянной человек. Здесь он превзошел не только своих соперников, но и вообще всех, кто когда-либо побеждал в этом виде соревнований. (34) Ибо он выпустил на состязания такое количество упряжек, какого не выставляли еще даже крупнейшие из городов, причем эти упряжки были столь отличного качества, что они позволили ему занять и первое, и второе, и третье места ³⁸. Помимо этого, он проявил столько щедрости и великолетия в устройстве жертвоприношений и в иных расходах на праздник ³⁹, что общественные затраты других показались людям менее значительными, чем личные расходы моего отца. Итогом его пребывания на празднестве было то, что своими успехами он умалил славу прежних победителей, положил конец восхищению победами своих современников и не оставил никакой надежды на достижение большего будущим содержателям скаковых лошадей. (35) Что же касается хорегий, гимнасиархий и триерархий, которые мой отец исполнял здесь, то об этом мне даже как-то стыдно напоминать. Ведь он настолько превзошел тут других, что люди, выполнявшие свои повинности лишь несколько хуже, чем он, уже в этом одном видят основание для собственного восхваления, а если бы кто-нибудь вздумал требовать от его имени благодарности за столь великие услуги, то речи такого человека сочли бы мелочными и недостойными.

(36) Что же касается отношения моего отца к существующему строю, — ибо не следует обходить молчанием и этот вопрос, — то он никогда не пренебрегал интересами граждан, но, напротив того, в своем отношении к народу оказался намного лучше самых прославленных деятелей. Ведь, как вы можете убедиться, все прочие устраивали смуты ради собственной выгоды ⁴⁰, мой же отец шел на опасности ради ваших интересов. Ибо не под влиянием гонений со стороны олигархов, а наоборот, невзирая на их призывы, он оставался верным сторонником демократии. И хотя часто ему предоставлялась возможность не только вместе с немногими получить власть над ос-

³⁷ Гиппоник принадлежал к знатному афинскому роду Кериков. Отец его Каллий разбогател во время Греко-персидских войн (ср. *Plu t.*, *Arist.* 5; *N e p.*, *Cim.* 1), его состояние оценивали в 200 талантов (*L y s.*, XIX, 48). Имя дочери Гиппоника — Гиппарета. Алкивиад был ей плохим мужем (см. *[A n d o c.]*, IV, 13 сл.; *Plu t.*, *Alcib.* 8).

³⁸ Об этом же свидетельствует Эврипид (см. *Plu t.*, *Alcib.* 11); однако по Фукидиду (VI, 16, 2) Алкивиад занял первое, второе и четвертое место.

³⁹ Ср. *[A n d o c.]*, IV, 30; *Plu t.*, *Alcib.* 12.

⁴⁰ Здесь могут иметься в виду беспринципные демагоги типа Писандра, Харикла и Фриниха. Эти последние, начав как ярые демократы (ср., например, характерное высказывание Андокида в речи «О мистериях», § 36), кончили тем, что стали вождями олигархии. Все трое были врагами Алкивиада.

тальными, но даже по сравнению с этими немногими добиться преимущества, он не соглашался на это, но предпочитал скорее претерпеть обиду от своего государства, нежели изменить существующему строю. (37) Разумеется, если бы все это время вы жили при демократии, то никто не смог бы убедить вас в правоте этих слов. Теперь же происшедшие смуты ясно показали и демократов, и олигархов, и тех, кто не сочувствовал ни одной из сторон, и тех, кто считал для себя возможным поддерживать обе. За время этих смут мой отец дважды изгонялся вашими врагами. При этом первый раз, лишь только им удалось устранить его, как они тут же свергли демократию ⁴¹, а второй раз, не успели они поработить вас, как сразу же первым из граждан осудили на изгнание моего отца ⁴². Вот до какой степени и город наш вкусил от бедствий моего отца, (38) и сам он разделил несчастья города! А между тем многие из граждан относились к нему с предубеждением, считая, что он замышляет стать тираном. При этом они исходили не из его поступков, а из простого предположения, что дело это — предмет желаний для всех, совершить же его более всего в состоянии мой отец. Но именно поэтому было бы справедливо, чтобы вы относились к нему с еще большей признательностью, потому что, хотя из всех граждан он один только мог навлечь на себя такое обвинение, сам он был убежден, что его положение в государстве должно быть равно таким же, как и положение остальных граждан.

(39) Из-за обилия того, что можно сказать в пользу моего отца, я испытываю страшные затруднения, не зная, о чем следует упомянуть в настоящий момент и что из всего этого можно опустить. На каждом шагу мне кажется, что факт, о котором я еще не упомянул, важнее тех, о которых я вам уже рассказывал. Впрочем, я думаю, всем и так ясно, что самым преданным делу государства является по необходимости тот, кто более всего делит с ним и счастье, и несчастье. (40) Между тем, когда дела нашего государства процветали, кто из граждан наслаждался большим благополучием, был окружен большим уважением или внушал больше восхищения, чем мой отец? Напротив, когда с государством случилась беда, кто лишился больших надежд на будущее, утратил большее состояние или почет? Наконец, когда к власти пришли Тридцать, разве не был он изгнан из всей Эллады, в то время как другие должны были удалиться лишь из города? Разве не приложили Лисандр с лакедемонянами столько же усилий на то, чтобы убить его ⁴³, сколько они затратили на сокрушение вашего могущества? Ведь они были убеждены, что не смогут быть уверенными насчет нашего города, если, срыв стены ⁴⁴, не погубят также и того, кто в состоянии был их восстановить. (41) Таким образом, не только услуги, которые вам оказал мой отец, но и несчастья, которые он претерпел из-за вас, позволяют с уверенностью судить о его преданности вашим интересам. Ведь легко обнаружить, что он всегда защищал народ, желал того же государственного строя, что и вы, страдал от тех же недругов, делил все несчастья города, считал своими врагами и друзьями тех же людей, что и вы, подвер-

⁴¹ На самом деле со времени осуждения Алкивиада и до первого олигархического переворота (411 г. до н. э.) прошло более трех лет. Однако оратор прав, когда подчеркивает, что виновниками осуждения Алкивиада и последующего ниспровержения демократии были в сущности одни и те же люди.

⁴² Осенью 404 г. до н. э. правительство Тридцати вынесло постановление об изгнании Алкивиада (он, впрочем, уже с 406 г. жил вне Афин), а затем через Лисандра добилось его умерщвления (см. X e n., *Hell.* II, 3, 42; P l u t., *Alcib.* 38—39).

⁴³ Ср. выше § 37 и прим.

⁴⁴ Потерпев поражение в Пелопоннесской войне, афиняне вынуждены были по требованию спартанцев срыть Длинные стены, которые соединяли город Афины с Пиреем (см. X e n., *Hell.* II, 2, 20 и 23; P l u t., *Lys.* 14—15). К восстановлению этих стен афиняне смогли приступить лишь 10 лет спустя, в 394 г. до н. э. (см. X e n., *Hell.* IV, 8, 9—10; D i o d., XIV, 85; N e p., *Conon* 4).

гался опасностям всяческим образом: то по вашей воле, то по вашей вине, то за вас, то вместе с вами. (42) Одним словом, это был гражданин, ни в чем не похожий на свойственника этого человека ⁴⁵ — Харикла. Последний был рад по-рабски прислуживать врагам, зато считал себя достойным властвовать над гражданами; в изгнании он предавался бездействию, по возвращении же стал чинить зло своему городу ⁴⁶. Спрашивается, можно ли найти друга, более негодного, или же врага, менее гнусного? (43) И после всего этого, будучи свойственником такого человека и сам в прошлом — член Совета при Тридцати ⁴⁷, ты осмеливаешься ⁴⁸ напоминать другим о прошлом и не стыдишься нарушать соглашения ⁴⁹, благодаря которым ты сам живешь в этом городе?! Неужели ты не сознаешь, что в тот день, когда примут решение мстить за прошлое, тебе придется подвергнуться опасности и раньше, и в большей степени, чем мне? (44) Вряд ли можно себе представить, что меня привлекут к ответственности за то, что совершил мой отец, а тебе окажут снисхождение в том, что ты сам натворил. Скорее наоборот: выяснится, что ты не сможешь даже сослаться в свое оправдание на такие обстоятельства, какие были у моего отца. Ибо не изгнанным из отечества, а продолжая жить среди граждан, не по принуждению, а по доброй воле и не в ответ, а первым ты чинил обиды своим согражданам, так что не можешь ожидать ты от них никакого оправдания.

(45) Впрочем, о политической деятельности Тисия нам, быть может, удастся еще поговорить и подробнее — когда-нибудь на его собственном процессе. Сейчас же я прошу вас не бросать меня на растерзание моим врагам и не ввергать меня в непоправимые бедствия. Ведь я теперь уже достаточно натерпелся: едва родившись, я уже остался сиротой, поскольку мой отец оказался в изгнании ⁵⁰, а мать умерла; мне не было еще и четырех лет, когда я подвергся смертельной опасности из-за изгнания отца ⁵¹, (46) и еще мальчиком я был изгнан из города Тридцатью. Затем, когда возвратились демократы из Пирея и все стали получать обратно свое имущество, я один из-за происков своих врагов оказался лишенным той земли, которую нам предоставил народ взамен конфискованного имущества ⁵². Испытав уже прежде такие несчастья и дважды уже потеряв состояние ⁵³, я обвиняюсь теперь по делу, которое грозит мне штрафом в

⁴⁵ Т. е. Тисия. «Этот человек» (ὁὗτος) — обычное обозначение противника в речах древних ораторов.

⁴⁶ Харикл был одним из влиятельнейших членов олигархической комиссии Тридцати (см. Xen., Hell. II, 3, 2; Mem. I, 2, 31—38; Andoc., I, 104; Ly., XII, 55; Aristot., Polit. V, 5, 1305b 26); после ее падения он в течение некоторого времени находился в изгнании, но, как видно, вскоре снова вернулся в Афины.

⁴⁷ В правление Тридцати народный суд (гелиэя) перестал функционировать, и право выносить обвинительные приговоры перешло к Совету Пятисот, в котором председательствовали сами Тридцать (см. Xen., Hell. II, 7, 11 сл.; ср. Isoc., XVIII, 6). То обстоятельство, что какой-либо человек был членом Совета при Тридцати, неизбежно должно было скомпрометировать его в глазах общественного мнения.

⁴⁸ Оратор обращается непосредственно к Тисию.

⁴⁹ Имеются в виду соглашения, заключенные в 403 г. до н. э. между враждующими партиями в Афинах — демократами Пирея, умеренными олигархами, обосновавшимися в Афинах после свержения Тридцати, и крайними олигархами, обосновавшими Элевсин. По этим соглашениям объявлялась всеобщая амнистия, причем все партии обязались взаимно «не помнить зла» — μὴ μνησικαχεῖν (см. Xen., Hell., II, 4, 38 сл.; Andoc., I, 81 сл.; Aristot., Ath. pol. 39).

⁵⁰ В 415 г. до н. э.; рождение сына Алкивиада относится к предшествующему году, как это видно из следующей фразы.

⁵¹ Ср. Ly., XIV, 17: «Когда он был еще ребенком..., он за преступление отца едва не был отдан в руки коллегии Одиннадцати» (Лисиий, Речи, пер. С. И. Соколовского, М.—Л., 1933, стр. 241). Скорее всего это могло произойти в 413 г. до н. э.: тогда спартанцы по совету Алкивиада захватили Декелию, и возмущенные афиняне могли потребовать казни оставшихся родственников Алкивиада.

⁵² См. выше § 11 и прим.

⁵³ В 414 и 404 гг. до н. э.

пять талантов. Однако, хотя жалоба касается только денег, ставкой в борьбе для меня является право и впредь принадлежать к числу граждан. (47) Ведь при одной и той же оценке штрафа не все рискуют одним и тем же: для людей состоятельных речь идет всего лишь о материальном ущербе, тогда как для таких горемык, как я,— о гражданском бесчестии, что, на мой взгляд, есть худшее несчастье, чем изгнание. Ведь намного хуже жить обесеченным среди своих сограждан, чем влачить существование на чужбине. (48) Поэтому я прошу вас заступиться за меня и не допускать, чтобы враги глумились надо мною и чтобы я лишился отечества и своей судьбой заслужил бы горькую славу. Ведь если даже я окажусь не в состоянии пробудить в вас жалость своей речью, все равно я могу рассчитывать на ваше сострадание в силу самих обстоятельств, если только справедливо жалеть тех, кто незаслуженно подвергается опасности и вынужден бороться за самое дорогое в жизни, кто находится в положении, недостойном ни их самих, ни их предков, и кто лишился огромного состояния и испытал величайшие перемены в жизни.

(49) Хотя у меня и так есть много причин, чтобы оплакивать свою судьбу, мне будет особенно обидно, если, во-первых, мне придется дать удовлетворение тому, от кого я сам мог бы его потребовать, а во-вторых, если я подвергнусь бесчестию из-за победы, которую мой отец одержал в Олимпии, победы, за которую другие, как я знаю, удостоиваются наград; (50) кроме того, если Тисий, не оказавший городу никаких услуг, будет пользоваться равным влиянием и при демократии, и при олигархии, а я, не обидивший ни ту, ни другую стороны, испытаю зло от обеих; наконец, если вы, поступающие во всем остальном совершенно иначе, чем Тридцать, в моем деле будете держаться одного с ними мнения, а я, ранее лишившийся отечества вместе с вами, теперь лишусь его из-за вас.

XVII. «БАНКИРСКАЯ» РЕЧЬ (ТРАПЕДЗИТИК)*

Исократ — мастер торжественного эпидейктического красноречия. Автор же «Банкирской» речи — мастер красноречия судебного, причем по языку, стилю эта речь настолько отличается от работ Исократов, что некоторые даже ставили под сомнение его авторство¹. Однако у Дионисия Галикарнасского таких сомнений не было, и он приводит отрывок этой речи как образец судебного красноречия Исократов (Dion. Hal., De Isocr. 18).

Речь — важный исторический источник. Она содержит ряд сведений об аттическом праве, деятельности ростовщиков, торговых связях Афин с Боспорским царством в начале IV в. до н. э.

Хотя имя истца неизвестно, но речь позволяет составить себе достаточно ясное представление об этом лице и постигших его в Афинах злоключениях. Он — сын Сопея, доверенного лица боспорского царя Сатира I (407—387 гг. до н. э.), с которым Афины поддерживали тесные связи. Согласно Дионисию (De Isocr. 18), этот молодой боспорец был учеником Исократов.

Как видно из главы 36 речи, сын Сопея прибыл в Афины до битвы при Книде (394 г. до н. э.), когда лакедемоняне еще господствовали на море и сношения с Понтом были затруднены. Тяжбу же сына Сопея с Пасионом необходимо отнести ко времени, когда морские сношения стали свободными. Дату этого процесса определяют приблизительно от 394 до 391 г. до н. э. Дела «банкира» Пасиона и в самом деле могли тогда быть плохи из-за начавшейся Коринфской войны, которая вызвала экономический кризис. Неизвестно, в пользу кого афинские судьи решили дело, в пользу ли ксена боспорца или метека Пасиона. Во всяком случае, позднее дело его процветает, процветает оно и при его правопреемнике Формионе, как видно из речи «За Формиона» Демосфена (Dem., XXXVI).

(1) Великое судебное состязание предстоит мне, судьи. Я рискую не только лишиться больших денег, но быть обвиненным в стремлении несправедливо завладеть чужими; это я считаю важнее всего. Ведь даже если я лишусь чужих денег, у меня останется достаточное состояние; если же окажется, что я без надлежащего основания взыскивал столь большие деньги, то я буду опозорен на всю жизнь. (2) Труднее всего, судьи, добаться до таких противников. Дело в том, что сделки с банкирами заключаются без свидетелей²; поэтому и те, с кем они поступают несправедливо, неизбежно подвергаются опасности: у них и много друзей, и денег в их руках много, да и их ремесло вселяет к ним доверие. Однако и при таких обстоятельствах я надеюсь для всех сделать ясным, что Пасион лишает меня денег. (3) Сначала я изложу, насколько могу, вам все дело. Отец мой, судьи, — Сопей; все плавающие в Понт знают, что он настолько близко стоит к Сатиру, что управляет у него обширной областью и имеет попечение о всей его вооруженной силе. (4) Зная про Афины и про прочую Элладу, я пожелал совершить туда путешествие. И вот отец мой, нагрузив два корабля хлебом

* Перевод Н. Н. Залесского.

¹ Münchener, RE, Bd. IX, 1916, стб. 2164 слл., s. v. Isokrates.

² Ср. Dem., pro Formion. 18; in Timoth. 59.

и дав денег, отправил меня одновременно и с торговой целью и с целью людей посмотреть. Пифодор, сын Финика, свел меня с Пасионом, и я пользовался его банком. (5) Несколько времени спустя был сделан Сатиру донос, будто отец мой замышляет против его власти и что я вожу компанию с изгнанниками. Сатир дает приказ схватить отца, тем же из Понта, которые проживали здесь, дает поручение принять от меня деньги и передать мне самому приказание плыть домой, если я этого не сделаю, то требовать от вас моей выдачи. (6) Будучи в столь бедственном положении, судьи, я рассказываю Пасиону о моих злоключениях: я был так близок к нему, что не только в денежных делах, но и во всем остальном вполне доверял ему. (7) По обоюдному совету мы решили, что самое лучшее — наличные деньги передать, а от денег, лежавших у Пасиона, не только отречься, но заявить, что я состою должником его и других лиц, вообще поступить так, чтобы всего более можно было убедиться в том, что нет у меня денег. (8) Я, судьи, тогда считал, что Пасион все это мне советует из расположения ко мне; но после того как я закончил дело с прибывшими от Сатира, я понял, что он покушается на мое достояние. Дело в том, что, когда я хотел взять обратно принадлежащие мне деньги и отправиться в Византий, Пасион решил, что настал самый благоприятный для него случай: ведь моих денег, лежащих у него, было много, и из-за них стоило забыть стыд, а я к тому же в присутствии многих свидетелей отрицал, что имею что-либо, и в глазах у всех считался должником Пасиона и признавал себя должным еще и другим. (9) К тому же, судьи, он считал, что, если я попробую остаться в Афинах, государство меня выдаст Сатиру, если же отправят куда-нибудь в другое место, то ему нечего будет заботиться о моих показаниях, а если я поплыву в Понт, то там погибну вместе с моим отцом. Так-то рассуждая, он и замыслил лишить меня моих денег. И вот под предлогом, что в настоящее время он не имеет денег, он заявил, что не может отдать и моих; когда же я, желая ясно разузнать, в чем дело, послал к нему Филомела³ и Менексена (с поручением вытребовать деньги), Пасион стал им говорить, что у него нет ничего мне принадлежащего. (10) И вот, когда на меня отовсюду обрушилось столько бед, как полагаете вы, какое принять мне надлежало решение? Если молчать, Пасион лишит меня денег; если станешь говорить, это не принесет тоже большой пользы, а вместе с тем поставит в очень тяжелое положение и меня и моего отца перед Сатиром. Итак, я счел наиболее надежным держаться спокойно. (11) После этого, судьи, приносят мне с Понта весть, что отец мой освобожден и Сатир настолько раскисает во всем им содеянном, что оказывает ему величайшее доверие: дал ему власть еще большую, чем он имел раньше, причем сестру мою он взял в жены для своего сына. Пасион, услышав об этом, понял, что я теперь уже открыто стану действовать, чтобы защитить свое достояние. Поэтому он упрятывает Китта, раба, который был осведомлен о моих деньгах. (12) Так как я, явившись, стал требовать показать мне Китта, то Пасион, понимая, что Китт может яснейшим образом подтвердить то, в чем я обвинял Пасиона, говорит — это самое ужасное — будто я и Менексен подкупом склонили на свою сторону Китта, бывшего сидельцем в меняльной лавке, и я взял у него шесть талантов серебра. А для того, чтобы не было допроса под пыткой относительно этих шести талантов, мы, по словам Пасиона, спрятав раба, выступили с встречным иском к нему, Пасиону, и стали требовать того, кого мы сами укрыли. Говоря это с гневом и со слезами, повлек он меня к (архонту) полемарху, требуя от меня поручителей, и отпустил меня лишь после того как я выставил поручителей на шесть талантов. Призовите свидетелей.

³ Филомел, возможно, ученик Исократа, упоминаемый Лисием (XIX, 5), а Менексен — одно из двух лиц, о которых говорится у Исея (*I s a ei, de hered. Diceogen.*).

(Свидетельские показания)

(13) Вы выслушали свидетелей, судьи. И вот, одно уже потеряв, а относительно другого подвергаясь позорнейшим обвинениям, я для поисков Китта отправился в Пелопоннес. Менексен же тем временем нашел раба здесь, в Афинах, и, схватив его, стал требовать подвергнуть его под пыткой допросу и о деньгах, данных на хранение, и о том, в чем обвинял нас Пасион. (14) Последний ж дошел до такой дерзости, что пытался освободить Китта от пытки как свободнорожденного и не постыдился, не побоялся заявить, что он отпускает на свободу и возбраняет подвергнуть пытке того, кого мы обратили в рабство, после того как от него получили столько денег. Самое же замечательное то, что, когда Менексен требовал у полемарха поручительства за раба, Пасион взял его на поруки за семь талантов⁴. Пусть предстанут свидетели.

(Свидетельские показания)

(15) После этого, судьи, Пасион считал, что он промахнулся в том, что случилось. Намереваясь исправить это в дальнейшем, он явился к нам с изъявлением готовности выдать для пытки раба. Мы, избрав 10 допросчиков, явились в святилище Гефеста. Я требую, чтобы они бичевали выданного и вытягивали ему члены до тех пор, пока он, по их мнению, не скажет правду, Пасион же стал говорить допросчикам, что они были выбраны не в палачи, и настаивал на том, чтобы они словесным вопросом осведомлялись у раба о том, что им угодно узнать. (16) На наши возражения допросчики заявили, что они не станут пытать, но решили, чтобы Пасион выдал мне раба. Так Пасион ловко избежал допроса раба под пыткой, а что касается выдачи, он отказался довериться допросчикам, но изъявлял готовность заплатить пеню в случае, если они сочтут его виновным. Пусть будут вызваны свидетели этого.

(Свидетельские показания)

(17) Затем, судьи, все на собраниях стали обвинять Пасиона в несправедливых и возмутительных поступках, именно, что он сперва укрывал раба, который, как говорил и я, был причастен к денежным делам, а затем сам стал обвинять нас в укрывательстве, что потом, когда раб был схвачен, он воспрепятствовал его пытать, как будто бы свободного, после же этого он восстал за раба и избрал допросчиков, на словах приказал его пытать, а на деле не допустил до этого. Так как Пасион полагал, что ему самому не будет никакого спасения, если ему придется предстать перед вами, то он через посланного просил меня быть при нем, когда он отправится в храм. (18) И вот, когда мы пришли на акрополь, он, накрывшись, с плачем стал говорить, будто его вынудило отсутствие средств отрицать получение от меня денег, но что немного времени спустя он постарается деньги отдать. Пасион просил меня оказать ему снисхождение и не разглашать постигшей его беды, чтобы не стало известно, что он, принимая на хранение деньги, его не выполняет данного обязательства. Я, веря в его раскаяние, уступил ему и предложил изобрести способ, чтобы и самому благополучно выйти из положения и мне получить свое. (19) На третий день, встретившись, мы даем друг другу клятву молчать обо всем случившемся; но эту клятву он нарушил, как узнаете вы сами из дальнейшего изложения. Пасион согласился плыть со мною в Понт и там отдать деньги — это для того, чтобы осуществить соглашение как можно дальше от этого города, чтобы никто из здесь живущих не знал об обстоятельствах уплаты долга. После отъезда

⁴ Аналогичный случай у Лисия (in Panceleon. 9).

он сможет объяснить свое отсутствие, как ему угодно. В случае же нарушения им данного уговора он соглашался предоставить посредничество Сатиру под условием, в случае осуждения, уплатить полutorную сумму денег. (20) Все это изложив письменно, мы повели на акрополь фереяца Пирона, обычно плавающего в Понт, и вручили ему на хранение договор, наказав ему, что если мы покончим миром между собою, то письменное условие сжечь, если же нет, то отдать Сатиру. (21) Так, судьи, сложились наши дела. Мене́ксен, между тем, в гневе на обвинение, брошенное ему Пасионом, начал с ним тяжбу и стал настаивать на выдаче Китта, требуя для Пасиона, если он будет обвинен в клевете, того же самого наказания, которое постигло бы его, если бы было признано, что он совершил что-либо такое, в чем обвинял нас Пасион. Последний, судьи, стал просить меня, чтобы я отклонил Мене́ксена от предъявления ему обвинения, говоря, что он ничего не достигнет, если возвратит деньги согласно письменному соглашению, отправившись в Понт, а здесь будет осмеян, так как раб, подвергшись пытке, разгласит правду обо всем. (22) Я согласился ходатайствовать перед Мене́ксом об удовлетворении желания Пасиона, если он в отношении меня исполнит взятые обязательства. В то время Пасион был в бедственном положении, не имел ничего, чем он мог бы помочь себе в своих собственных бедах: не только страшила его пытка раба и вышеуказанная тяжба, но также и письменное соглашение, как бы оно не попало в руки Мене́ксена. (23) В столь затруднительном положении, не находя никакого иного способа уплатить долг, Пасион подкупил рабов упомянутого гостя и подделал соглашение, которое должен был получить Сатир в случае, если Пасион не удовлетворит меня. И после того как он сделал это, он стал наглейшим из всех людей. Он заявил, что и в Понт он со мной плыть не намерен и договора со мной у него никакого нет, и потребовал, чтобы письменное соглашение было распечатано в присутствии свидетелей. К чему я буду вам, судьи, сообщать подробности? Ведь оказалось, что в письменном соглашении стояло, будто бы к Пасиону я не предъявляю никаких обвинений. (24) Все происшедшее я изложил вам возможно точнее. Я полагаю, судьи, что Пасион построит свою защиту на этом подделанном им документе и больше всего будет на него опираться. Будьте внимательны к моим словам, и я думаю, что сделаю для вас очевидной подлость Пасиона, основываясь на обстоятельствах заключения нами письменного условия. (25) Прежде всего, обратите внимание на следующее. Когда мы передавали гостю наш договор, по которому Пасион объявляет себя свободным от обвинений, я же заявляю, что должен получить от него деньги, мы наказывали гостю сжечь письменное соглашение, если мы покончим между собой миром, если же нет, то отдать его Сатиру; что это было сказано, мы оба признаем. (26) Однако, судьи, по какой причине мы поручили отдать письменное соглашение Сатиру, если не договоримся, раз Пасион был уже свободен от обвинений, и дело у нас было покончено? Но ясно, что мы заключили такой договор потому, что у нас оставались еще спорные вопросы, которые Пасион должен был уладить со мной согласно письменному соглашению. (27) Далее, судьи, я имею изложить причины, по которым Пасион согласился возратить деньги. Так как мы избавились от наветов на нас перед Сатиром, а Пасион сам оказался не в состоянии укрыть Китта, знавшего о сделанном мною вкладе денег на хранение, то он решил, что если выдаст на пытку раба, то обнаружится его мошенничество, (28) если же не сделает этого, то будет подвергнут пене; в силу всего этого он и решил помириться со мной. Потребуйте же от Пасиона указать, ради какой выгоды или из-за какой опасности я освободил его от обвинений? Если же он ничего подобного указать вам не может, то не правильнее ли будет, если вы более поверите — что касается письменного соглашения — мне, нежели ему? (29) Достаточ-

но легко, судьи, всякому понять, что мне, как обвинителю, если бы я стал опасаться опровержений, возможно было без всякого заключения договора прекратить дело, Пасиону же из-за возможности применить пытку к рабу и из-за тяжб, возбужденных перед вами, нельзя было по желанию освободиться от опасностей иначе, как склонив к тому меня, обвинителя. Таким образом, не мне для прекращения преследования, а Пасиону о возвращении моих денег приходилось заключать договор. (30) Еще неправдоподобнее допустить, что я до составления письменного соглашения настолько сильно усомнился в неблагоприятном исходе дела, что не только освободил Пасиона от обвинений, но и договором это подтвердил, а после того как я написал против себя подобного рода опровержение, только тогда решил возбудить дело перед вами. Однако кто станет таким образом решать свои дела? (31) Самым же главным доказательством того, что в договоре говорилось не об освобождении Пасиона от преследования, но о том, что он дал согласие выплатить мне деньги, является следующее. Когда Менексен возбудил против него дело, а письменное соглашение еще не было подделано, Пасион послал ко мне Агиррия⁵, человека нам обоим преданного, и просил, чтобы я или склонил Менексена к примирению, или уничтожил заключенный с ним договор. (32) Или вы, судьи, полагаете, что он действительно хотел уничтожить означенный договор, посредством которого он желал нас изобличить во лжи? Нисколько. После того как переделали документ, Пасион не стал говорить всего вышеизложенного, а во всем стал ссылаться на договор, требуя вскрытия самого документа. И вот каким образом первоначально он собирался уничтожить договор, я выставлю свидетелем самого Агиррия. Пусть предстанет он.

(Показания Агиррия)

(33) Я считаю вполне доказанным, что мы заключили договор не так, как будет пытаться представить это Пасион, но так, как я вам изложил. Нет оснований, судьи, удивляться, что Пасион подделал документ, не только потому, что уже подобные дела бывали, но и потому, что некоторые из имевших дело с Пасионом уже совершили деяния гораздо более преступные. Кто из вас не знает, как Пифодор, именуемый «Скенимом»⁶, который все возможное и говорит и делает в пользу Пасиона, в прошлом году вскрыл урны для голосования и вынул жребий с именами судей⁷, опущенные туда членами Совета. (34) Однако если кто, ради мелочей и подвергаясь уголовной ответственности, дерзнул вскрыть упомянутые урны, которые были опечатаны пританами, вторично опечатаны хорегам, охранялись казначеями и были положены на акрополе, то следует ли удивляться, если наши люди, подделавшие какой-то там договор, положенный на хранение у приезжего человека, раз им представлялась возможность поживиться у столь большими деньгами; сделали же они это, или подкупив его рабов, или ухитрились иным способом. Обо всем этом не знаю, что мне еще сказать. (35) Некоторых Пасион уже пытался убедить, что вообще у меня здесь не было денег, говорил, будто я занял у Стратокла триста статеров. Вам надлежит и об этом выслушать, чтобы вы знали, какими доказательствами вооружившись, пытается он лишить меня денег. Я, судьи, желая возможно больше вывезти из Понта денег, воспользовался намерением

⁵ Агиррий из Колита — влиятельный политический деятель, противник Андокида (Andocid., de myst. 133), стратег 389 г. (Xen., Hell. IV, 83; Dio d., XIV, 99, 5).

⁶ Пифодор — владелец лавок у Леокопия. Ср. у Демосфена (in Conon. 7). Пифодор — друг Аполлодора, сына Пасиона. Ср. у Псевдо-Демосфена (in Polycl. 27).
⁷ Речь о судьях на Дионисиях. Ср. у Лисия (IV, 3).

Стратокла плыть туда и попросил его свои деньги оставить у меня, в Понте же получить деньги от моего отца; я считал, что я много выигрываю, если деньги не подвергнутся опасности во время плавания. (36) Это тем более, что в то время лакедемоняне господствовали на море. Итак, полагаю, в этом нет еще доказательства, как это пытается представить Пасион, будто у меня не было здесь денег. Для меня же надежнейшим доказательством наличия у меня здесь денег, данных ему на хранение, являются деловые отношения со Стратоклом. (37) Ведь на вопрос Стратокла, кто возместит ему деньги, если бы отец мой не выполнил моей просьбы, а он сам, приплыв сюда обратно, не застал бы меня, я указал ему на Пасиона, последний же согласился возместить ему и основной капитал и причитающиеся проценты. Однако если бы у Пасиона не хранилось ничего мне принадлежащего, то неужели, думаете вы, он так легко согласился бы быть поручителем за меня на такую большую сумму? Пусть предстанут свидетели.

(Свидетельские показания)

(38) Равным образом, судьи, быть может, представлены будут свидетели того, что я отрицал перед доверенными лицами Сатира наличие у меня денег, кроме тех, которые я передал им, и того, что я отрицал, что Пасион сам владеет моими деньгами, причем я признавал себя должным триста драхм, которые по доверенности получил от него Гипполайд — мой гость и близкий человек. (39) Я, судьи, находился в бедственном положении, о котором я вам уже сообщал: дома я лишился всего, что там было, находящиеся же здесь деньги я был вынужден передать прибывшим с Понта, у меня ничего не оставалось, за исключением того, что я мог сохранить, если бы удалось мне скрыть деньги, положенные на хранение у Пасиона. Я признаю, что при таких обстоятельствах объявил себя еще должным ему триста драхм и во всем прочем поступал и говорил так, что на основании этого прибывшие с Понта могли все более прийти к убеждению, что у меня денег нет. (40) Вы без труда убедитесь, что это случилось не из-за отсутствия у меня денег, но с целью убедить посланцев Сатира. Прежде всего я представляю вам свидетелей, что мною с Понта привезено было много денег, затем других свидетелей, которые видели, что я прибегал к услугам меняльной лавки Пасиона, а также тех, которые покажут, что при расчете на золото я получил от них в то время более тысячи статеров. (41) Кроме того, на нас был наложен чрезвычайный налог и, когда последовало назначение податных чиновников, я внес больше остальных гостей; будучи же сам избран, я на себя наложил самый большой налог, за Пасиона же просил моих сотоварищей по должности, говоря, что он пользуется моими деньгами. Пусть предстанут свидетели.

(Свидетельские показания)

(42) Я привлеку в свидетели и самого Пасиона, действия которого подтверждают вышеизложенное. Ведь то грузовое судно, за которое я дал большие деньги, по показанию одного лица будто бы принадлежало какому-то деловцу. Когда я стал спорить и решил спустить судно на воду, доносчики так настроили Совет, что сперва я чуть не был без суда предан смерти; в конце концов они согласились на то, чтобы я выставил поручителей. (43) И вот Филипп, гость моего отца, явился на мой зов, но затем, испугавшись большого риска, поспешил оставить меня. Пасион же нашел мне поручителем за семь талантов Архестрата⁸, менялу. Если бы (в случае несчастья

⁸ Архестрат — один из прежних хозяев Пасиона, который затем стал их приемником (D e m., pго Formion. 43, 45, 48).

со мною) он лишился незначительной суммы и знал, что у меня здесь ничего нет, то он никогда не выступил бы моим поручителем за такую большую сумму. (44) Но ясно, что эти триста драхм Пасион требовал с меня мне же в угоду, поручителем же за меня на семь талантов он стал, считая, что имеет достаточное обеспечение в виде денег, у него хранящихся. Итак, из самих поступков Пасиона вам ясно, что у меня здесь было много денег и что они находятся в его меняльной лавке; об этом вы слышали и от других осведомленных лиц. (45) Я полагаю, судьи, что вы лучше всего поймете, из-за чего мы спорим, если только вы запомнили, каковы были наши отношения в то время, а именно, что я отправил Менексена и Филомела с требованием выдать вклад и Пасион сперва осмелился отказаться. Ведь отец мой был в заточении, лишен всего имущества, а я из-за наличных бед не мог ни тут оставаться, ни плыть в Понт. (46) Так вот, правдоподобно ли, что я, находясь в таком бедственном положении, стал бы предъявлять несправедливый иск или решился бы ограбить Пасиона из-за тяжести постигших меня несчастий и из-за множества денег? Но кто же когда-либо дошел до такой степени ябедничества, что сам, подвергаясь смертельной опасности, стал бы злоумышлять против чужого имущества? С какой надеждой или на что полагаясь, выступил бы я несправедливо против Пасиона? Или я думал, что, испугавшись моей силы, он тотчас отдаст мне деньги? Но не так действовал каждый из нас обоих. (47) Не полагал ли я, начав тяжбу и притом вопреки справедливости, что встречу у вас больше доверия, чем Пасион, я, который собирался покинуть Афины, боясь, как бы меня не вытребовал от вас Сатир? Но зачем, ничего этим не достигая, мне нужно было ставить себя во враждебные отношения с тем, с которым у меня оказались самые тесные отношения из всех жителей этого города? И кто из вас решился бы приписать мне такое безумие и неопытность? (48) Следует, судьи, обратить внимание на бессмысленность и невероятность того, что при каждом своем выступлении пытается утверждать Пасион. Ведь когда я находился в таком положении, что не мог его привлечь к суду, даже если бы он признался, что он присваивает мои деньги, тогда он обвинял меня в намерении несправедливо возвести на него обвинение; после же того как я избавился от клеветников, порочивших меня перед Сатиром, и все стали считать неизбежным осуждение Пасиона, тогда он стал утверждать, что я снял с него все обвинения. Однако что может быть более непоследовательным, чем все это? (49) Но, быть может, только в указанном случае он явно противоречит сам себе в своих речах и действиях, а во всем остальном — нет? Он, который обвинял меня в порабощении человека, которого сам скрыл и его же в налоговых описях показал в числе прочих как раба, а когда Менексен потребовал его для пытки, то воспрепятствовал этому, так как он якобы свободнорожденный. (50) К тому же, сам захватывая вложенные мною деньги, он дерзнул нас обвинять, что мы будто бы присвоили шесть талантов из его меняльной лавки. Однако кто пытается лгать в делах столь очевидных, то как можно доверять ему в том, что делается с глазу на глаз? (51) Наконец, судьи, согласившись отприватиться к Сатиру и поступить так, как последний признает это правильным, он и в этом обманул меня: сам не пожелал отприватиться, хотя я неоднократно вызывал его, а послал Китта, который, явившись туда (в Понт. — *Н. З.*), заявил, что он свободный, родом из Милета, а послал его Пасион дать разъяснения относительно денег. Сатир выслушал нас обоих и не стал разбирать дело об имевших место здесь сделках, obviously потому, что Пасион отсутствует и не намерен выполнять его решения, особенно вместе с тем Сатир настолько убедился в том, что я терплю несправедливость, что, созвав владельцев кораблей, просил их помочь мне и не допускать несправедливости надо мной; в Афины же написав письмо, он дал его для передачи Ксенотиму, сыну Каркина. Пусть будет прочитано это письмо.

(Читается письмо)

(53) Итак, судьи, хотя у меня много справедливых доводов, самое важное доказательство того, что Пасион захватывает у меня деньги, по моему мнению, есть то, что он не захотел выдать для пытки раба, который знал о сделанном мною вкладе. А для сделок в меняльных лавках разве есть более веское доказательство, чем это? Ведь мы совершаем их без свидетелей. (54) Вижу, что и вы не считаете ничего более надежным и раскрывающим истину и в частных и в общественных делах, чем пытку. Ведь возможно выставить свидетелей и в подтверждение чего-либо непроисходившего; применение же пытки ясно обнаруживает, кто из двух говорит правду. Зная это, Пасион хотел, чтобы вы оставались более в области предположений относительно нашего дела, чем имели о нем ясное представление. Ведь он не может утверждать, будто раб должен будет сдаться в пытке и что вследствие этого он не мог его выдать (55), так как всем вам памятно, что, оговорив господина, раб подвергает себя мести на все остальное время со стороны этого худшего из людей, вынеся же пытку, он станет свободным и завладеет тем, чего лишил меня его господин. Но тем не менее, хотя рабу и предстояло в столь заманчивом деле одержать верх, Пасион, сознавая себя соучастником преступного деяния, продолжал уклоняться от суда и выставлять всевозможные причины, чтобы не было об этом деле допроса раба под пыткой. (56) Итак, я прошу вас, сохраняя в памяти все изложенное, голосовать против Пасиона и не обвинять меня в столь постыдном поступке, будто я, обитая на Понте и владея столь большим имуществом, что можно им и других облагодетельствовать, явился сюда с целью ябедничать на Пасиона и требовать у него мнимых денежных вкладов. (57) Следует вам отнестись с вниманием и к Сатиру и моему отцу, которые все время более, чем все эллины, считаются с вами, и часто, уже отсылая из-за неурожая хлеба корабли прочих купцов пустыми, вам они давали разрешение на вывоз; (58) также в тяжбах по своим собственным обязательствам, в которых они же являются судьями, вы не только получали должное, но и больше того. Поэтому не подобает вам недооценивать письма Сатира. Итак, я прошу вас обо мне и о нем вынести справедливый приговор и не доверять лживым словам Пасиона более, чем моим.

XVIII. ПАРАГРАФЭ ПРОТИВ КАЛЛИМАХА *

В аттическом процессе термином «параграфэ» обозначался вид письменного протеста, с которым выступал ответчик или обвиняемый, оспаривая правомерность выдвинутого против него иска или обвинения. До решения судебных органов по поводу этого протеста иск или обвинение в суде не рассматривались. От других подобного рода протестов параграфэ отличалась тем, что обвиняемый выступал с ней сам, а обвинитель или истец не имели права отвести этот протест с помощью свидетелей или каким-либо другим способом. Если обвинитель уступал, он мог — если не хотел полностью отказаться от процесса — придать обвинению другую форму или обратиться в иную судебную инстанцию. Если же ему удавалось доказать несостоятельность протеста, дело рассматривалось и передавалось для решения в суд.

В Афинах вскоре после свержения тирании Тридцати, в 403 г. до н. э., один из политических деятелей этого времени Архин провел закон, согласно которому каждому афинскому гражданину, против которого было начато политическое дело, предоставлялась возможность выступать с подобной параграфэ, а магистраты должны были начать разбор дела с рассмотрения этой параграфэ. Этот закон упоминается в начале речи Исократэ «Параграфэ против Каллимаха».

О деле, в связи с которым эта речь была составлена, а также о конечном результате процесса, равно как и о личности обвинителя и обвиняемого, ничего не известно.

Речь была написана вскоре после 403 г. до н. э.; этот вывод можно сделать на основании того, что она была первой, в которой был использован упоминавшийся выше закон Архина.

(1) Если бы другие люди уже успели выступить с подобной параграфэ, я начал бы свою речь с изложения самого существа дела. Ныне же передо мной стоит необходимость сказать прежде всего о самом законе, на основании которого мы обратились к суду, чтобы вы, судьи, со знанием дела вынесли свое решение по поводу спора, с которым мы здесь выступаем, а также чтобы никто из вас не удивлялся тому, что я, будучи обвиняемым, а так-паю с речью раньше обвинителя. (2) После того как, вернувшись из Пирея в город¹, вы увидели, что некоторые из граждан стремятся сделать из Пирейские доносы своей профессией² и пытаются нарушить условия соглашений³, вы, желая положить конец их деятельности и в то же время согласовать всем остальным, что вы заключили эти соглашения, не будучи по-нуждены к этому силой, но намереваясь принести пользу государству — вы, по предложению Архина, провели закон, согласно которому если кто-

* Перевод В. Г. Боруховича.

¹ Имеются в виду события, связанные с восстановлением в Афинах демократии в октябре 403 г. до н. э. См. Arist., Ath. pol. 38,3; Xen., Hell. II, 4, 39.

² В оригинале — σοφοφάντευ.

³ Имеются в виду условия гражданского мира между враждующими партиями в Афинах после указанных в прим. 1 событий. Текст клятвы, о которой у Исократэ речь пойдет ниже, сохранен у Андокида (de Myst. 90): «И не буду помнить зла и мстить никому из граждан, кроме Тридцати тиранов, коллеги Десяти и коллеги Одиннадцати; из последних я не буду мстить тем, кто согласится дать отчет о своей деятельности за время исполнения должности, которую он занимал». О соглашениях и об этой клятве говорит и Аристотель в «Афинской политике», 38—40.

нибудь начнет судебный процесс в нарушение закрепленных клятвой соглашений, то обвиненному разрешается выступить с параграфэ, [архонты же должны начать дело с разбора этой параграфэ. Право говорить первым предоставляется выступившему с параграфэ. (3) Та же из двух тяжущихся сторон, которая окажется побежденной, должна будет заплатить эпобелию ⁴ — для того, чтобы люди, осмеливающиеся из мстительности затевать судебные процессы, не только были изобличены как нарушители клятвенных договоров и не только от богов должны были ожидать наказания, но и для того, чтобы они были подвергнуты наказанию немедленно. В самом деле, я счел несправедливым, чтобы при наличии таких законов мне следовало примириться с тем, что сикофант подвергается только опасности заплатить 30 драхм ⁵, самому же подвергнуться риску потерять все свое состояние. (4) Я собираюсь доказать, что Каллимах, преследуя меня по суду, не только нарушил соглашения, но и возводит на меня ложное обвинение, и что по этому поводу между нами имел место компромисс, заключенный в третейском суде. Я хочу с самого начала разъяснить вам, что произошло. Когда вы увидите, что он не потерпел никакого ущерба от меня, тогда, я думаю, вы с большим удовольствием окажете поддержку соглашениям, а по отношению к моему обвинителю восплачете еще большим гневом.

(5) Когда еще управляли Десять, которые встали у власти после свержения Тридцати тиранов ⁶, случилось так, что я прогуливался вместе с Патроклом, своим родственником, который тогда занимал должность архонта-басилевса. На пути он встретил своего врага Каллимаха (который ныне преследует меня по суду), несшего деньги. Арестовав его тут же на месте, он заявил, что эту сумму оставил ему Филон и она должна быть внесена в казну: ведь Филон находился тогда вместе с теми, кто в Пирее ⁷. (6) Когда по этому поводу возник спор и они стали осыпать друг друга оскорблениями, сбежалась толпа. Случайно тут оказался Ринон, один из Десяти ⁸. Ему Патрокл тотчас же предъявил обвинение против Каллимаха по поводу денег ⁹. Ринон повел их обоих к своим коллегам по должности, те же передали дело в Совет. Когда же состоялся суд, было вынесено решение, чтобы эти деньги поступили в казну. (7) После этого, когда вернулись из Пирея изгнанники, он выдвинул обвинение против Патрокла в том, что тот явился виновником понесенного им ущерба. Решив дело с ним в свою пользу и взыскав с него 10 мин серебра, он стал обвинять Лисимаха. Получив и с него 200 драхм, он стал доставлять неприятности мне. Вначале он обвинял меня в том, что я был соучастником упомянутых выше лиц. Но затем он дошел до такого бесстыдства, что возвел всю вину за происшедшее на меня, и это, по-видимому, он будет сейчас доказывать. (8) Я же выставлю перед

⁴ Эпобелия — шестая часть суммы, являющейся предметом спора в суде (т. е. с каждой драхмы — один обол). В гражданском процессе обвинитель платил эпобелию обвиненному, если не собирал пятой части голосов в пользу обвинения.

⁵ 30 драхмам равнялась судебная пошлина, которую платили вперед обе тяжущиеся стороны при процессах, оцененных свыше 1000 драхм. Сторона, потерпевшая поражение, возмещала судебную пошлину победившей стороне.

⁶ Ср. Xen., Hell. II, 4, 23, где рассказывается о том, как оставшиеся в Афинах граждане лишили власти тиранов и избрали вместо них Десять лиц, предоставив им неограниченные полномочия для того, чтобы они нашли способ окончить гражданскую войну и установить мир. Они назывались декадухами (Hagprokr., s. v. δέκα; см. также Agri st., Ath. pol. 38; Dio d., XIV, 33, 5; Lys., XII, 54; Just., V, 10, 7).

⁷ В других рукописях это лицо названо Амфилохом. «Те, кто в Пирее» — так назывались в это время демократы, захватившие во время правления Тридцати Пирей. См. Agri st., Polit. V, 2, 12; Lys., 34, 1.

⁸ Ринон упоминается у Аристотеля в «Афинской политике», 38, 3.

⁹ Φίλων — так назывался донос властям, направленный против тех, кто покушался на собственность государства.

вами свидетелей — прежде всего тех, кто присутствовал при самом начале событий, о которых идет речь, в том, что я его не арестовывал и денег не касался, затем <Ринона> и коллег его — в том, что им донос относительно денег сделал Патрокл, а не я, затем и членов Совета, которые засвидетельствуют, что обвинителем был он. Вызови же мне свидетелей в подтверждение этого.

С в и д е т е л и

(9) И в то время как можно указать на множество лиц, присутствовавших при всем этом, он, ведя себя так, будто нет никого, кто был бы в курсе дела, повсюду — и в толпе на улице, и бывая в эргастериях — твердит о том, что пострадал по моей вине и из-за меня лишился денег. Некоторые из близких ему лиц, приходя ко мне, стали мне советовать развязаться с этим делом, чтобы не слышать дурного о себе и не рисковать большим состоянием, даже если я и очень убежден в правоте своего дела. Они говорили, что во время судебных процессов случается много неожиданностей, (10) и что удача в судебном деле у нас имеет гораздо больше значения, чем справедливость самого дела, так что выгоднее будет для меня, поступившись небольшой суммой денег, избавиться от больших обвинений, чем, ничего не отдавая, подвергнуться риску потерять столь большое состояние. Но к чему я буду знакомить вас со всеми мелкими подробностями, из которых они не оставили в стороне почти ничего, что обычно говорят? В конце-концов, они меня убедили (пусть станет известна вам вся истина) дать этому человеку 200 драхм. Для того чтобы предотвратить с его стороны возможность нового ложного обвинения, мы взяли в качестве третейского судьи на определенных условиях Никомаха из дема Бата ¹⁰.

С в и д е т е л и

(11) Вначале он соблюдал те условия, на которых между нами было достигнуто согласие. Затем же, столкнувшись с Ксенотимом, нарушителем законов, развратителем судилищ, оскорбителем властей, повинным во всяческих преступлениях, подал против меня иск в 10 000 драхм. Когда же я выставил свидетеля в том, что иск является незаконным, поскольку между нами имело место соглашение, заключенное через третейского судью, он не стал преследовать этого свидетеля по суду, (12) зная, что если он не соберет после судебного разбирательства пятой части голосов в свою пользу, то должен будет заплатить эпобелию. Но он вновь обратился к судебным властям с тем же самым иском, рискуя в случае проигрыша дела только уплатой судебных пошлин. Я же, будучи в затруднении и не зная, как избавиться от свалившихся на меня бедствий, счел самым лучшим выходом выступить перед вами против него в качестве тяжущей стороны в судебном процессе. Вот в чем заключается существо дела.

(13) Мне известно, что Каллимах собирается не только возвести на меня ложные обвинения, но и отрицать факт имевшего между нами место соглашения через третейского судью; он готовится выступить и заявить, будто он никогда не обращался к Никомаху, прося его быть третейским судьей, о давних дружеских отношениях которого ко мне он знал, и что трудно предположить, будто он согласился взять 200 драхм вместо 10 000, которые ему

¹⁰ Бата — аттический дем филы Эгеиды, расположенный на равнине к северу от Афин.

причитались. (14) Вы же, судьи, примите во внимание прежде всего то, что мы обратились к третейскому судье не в процессе спора, а придя предварительно сами к соглашению. Так что он не совершил никакой ошибки, избрав Никомаха в качестве третейского судьи; напротив, он совершил бы большую ошибку, если бы, придя к соглашению по существу спорного вопроса, стал бы спорить по поводу того, кого взять в качестве третейского судьи. Что же касается того, что он не мог бы удовлетвориться двумя минами в то время, как ему причитались 10 000 драхм, то на это надо ответить следующим образом: поскольку его иск был ложным, а обвинение — клеветническим, нет ничего удивительного в том, что он удовлетворился столь небольшой суммой. И еще, поскольку он подавал иск на столь большую сумму, а удовлетворился столь малой, это является лучшим доказательством не того, что третейский суд не имел места между нами, а скорее того, что он с самого начала возвел на нас ложное обвинение. (15) Я удивляюсь, однако, тому, как он считает возможным доказывать, будто является неправдоподобным тот факт, что он удовлетворился 200 драхмами вместо 10 000, а обо мне не думает, что я, если бы хотел лгать, скорее должен был бы выдумать, что дал ему большую сумму, чем та, которую дал в действительности. Но как раз то обстоятельство, которое могло бы ему служить основанием, чтобы доказывать, будто третейский суд между нами не имел места — а именно, если бы он мог опровергнуть показания свидетеля как ложные — именно это обстоятельство я считаю в такой же степени доводом в пользу того, что я говорю правду и что третейский суд действительно имел место между нами, ибо он явно отказался преследовать свидетеля по суду за ложное показание.

(16) Более того, я полагаю, что если бы даже третейский суд не имел места и не было свидетелей всему тому, что произошло, а нужно было бы решать дело только на основании суждения, насколько правдоподобны утверждения, высказываемые сторонами, — то и это бы не затруднило нас, судьи, вынести справедливое решение. Если бы я в своей жизни часто отказывался совершать несправедливости по отношению к остальным гражданам, вы не без основания могли бы обвинить меня в том, что и по отношению к этому человеку я совершил несправедливость. Но всем известно, что я никого из граждан не лишал состояния, ничью жизнь не подвергал опасности, никого не вычеркивал из списка лиц, имеющих гражданские права, никого не вписывал в список вместе с Лисандром ¹¹ — (17) хотя, надо сказать, многих людей подлое поведение Тридцати тиранов побудило к подобным поступкам. Известно, что Тридцать тиранов не только не наказывали преступников, но, наоборот, даже побуждали иных людей совершать преступления. Меня же никак нельзя изболбить в том, что даже в то время, когда правили эти тираны, я делал что-либо подобное; а этот заявляет, что испытал с моей стороны несправедливость, когда Тридцать тиранов уже были выброшены из города, Пирей был захвачен, народ одерживал победу, когда уже шли переговоры о заключении перемирия ¹². (18) И разве можете вы подумать, что тот, кто так благопристойно вел себя во время правления Тридцати тиранов, отложил бы совершение различных злодеяний на то время, когда стали раскаиваться даже те, кто раньше их совершал? Яснее же всего доказывает мою невиновность то, что я тогда ничего не предпринимал даже против своих врагов. Как же я мог попытаться причинить вред этому человеку, с которым у меня никогда не было никаких дел?

¹¹ Имеются в виду изменения в конституции Афин, производившиеся после поражения Афин в Пелопоннесской войне — см. X e n., *Hell.* II, 3, 2 слл.; L y s., XII, 71—76; D i o d., XIV, 3.

¹² Cp. X e n., *Hell.* II, 4, 10—43.

(19) То, что я ни в коей мере не являюсь виновником конфискации денег у Каллимаха, доказано мною, я полагаю, с достаточной степенью убедительности. Но то, что у него не было никакого права привлекать меня к суду по поводу всего того, что тогда происходило, — даже если бы я был виновен во всем том, в чем он меня обвиняет, — вы сейчас узнаете из текста соглашений. Возьми, пожалуйста, свиток.

Текст соглашений

(20) Так разве недостаточно справедливы те причины, на основании которых я выступаю со своей параграф? Разве достигнутые соглашения не освобождают яснейшим образом от судебных преследований всех тех, кто занимался доносами¹³ или выдвигал против кого-нибудь обвинения в покушении на собственность государства¹⁴, или совершал другие подобные действия? А я ведь могу доказать, что ни в каком-либо подобном деле не являюсь виновным и в иных проступках ни в малейшей степени не замешан! Прочти, пожалуйста, и клятвы, скрепляющие соглашения.

К л я т в ы

(21) Так разве не возмутительно, граждане судьи, что в то время, как существуют такие соглашения, скрепленные такими клятвами, он, Каллимах, настолько возомнил о своем красноречии, что понадеялся убедить вас вынести решение, противоречащее указанным соглашениям и клятвам! Конечно, если бы он увидел, что наше государство сожалеет по поводу того, что было совершено, тогда не следовало бы удивляться его поступку. Ныне же вы не только своей законодательной деятельностью показали, как высоко вы ставите достигнутые соглашения, (22) но даже Филона из дема Койла¹⁵, на которого поступил донос, где он обвинялся в злоупотреблении своей должностью посла, причем он даже не мог оправдаться от этого обвинения, вы решили отпустить и даже не привлекли его к суду. И все потому, что он апеллировал к указанным соглашениям. Мы видим, как государство считает необходимым щадить даже тех, кто, по мнению всех, является преступником, этот же осмеливается обвинять таких людей, которые не совершили никакого преступления. (23) Ему хорошо известно, что у Фрасибула и Анита¹⁶, пользующихся наибольшим могуществом в нашем государстве,

¹³ Τοὺς ἐνδεξάντας; ἐνδεξίς — вид письменного обвинения, при котором лицо, являющееся объектом обвинения, подлежало аресту. Это обвинение выдвигалось против тех, кто незаконно пользовался гражданскими правами, против убийц, чье преступление не требовало расследования, и др.

¹⁴ Φάσις — см. прим. 9.

¹⁵ Койла — аттический дем, относящийся к филе Гиппотонтиде.

¹⁶ Фрасибул и Анит — два выдающихся деятеля демократической партии Афин конца Пелопоннесской войны. Будучи в числе стратегов афинского флота, стоявшего у Самоса в 411 г., Фрасибул вместе с Фрасиллом выступил против тиранни Четырехсот и способствовал восстановлению демократии в Афинах. Под командованием Алкивиада он отличился в сражениях со спартацами. После установления тиранни Тридцати был изгнан и удалился в Фивы, откуда руководил подпольной демократической деятельностью народной партии в Афинах. Под его руководством была захвачена пограничная крепость Филадельфия, откуда он вел военные действия против тиранов, затем Перей. В октябре 403 г. демократы под его руководством вступили в Афины. См. Thuc., VII, 73, 81, 100, 104; Xen., Hell. I, 1, 12; 4, 9; 5, 11; 6, 35; 7, 5, 17; II, 3, 42; 4; Plut., de glor. Athen. 7, 349 F; Lys., XII, 52; Nep., Thras. 2, 3; Diod., XIV, 32 слл.; Plut., Lys. 21; Just., V, 9.

Анит вместе с Фрасибулом руководил восстановлением демократии после свержения тиранни Тридцати. Известен также как обвинитель Сократа во время процесса последнего в 399 г. до н. э. См. Plut., Men. 90 A; Xen., Hell. II, 3, 42; Andoc., de Myst. 150; Plut. Apolog. Socr. 23 E; Diod. Laert., II, 38.

были конфискованы большие суммы денег. Зная виновников случившегося, лиц, обвинивших их в растрате казенных денег, они все же не осмеливаются привлечь их к суду и не проявляют мстительности, и хотя во всех прочих делах они имеют влияние большее, чем другие, во всем том, что касается соглашений, они считают себя равными всем остальным гражданам. (24) И не только они так полагают, но и из вас никто не осмелился затеять подобный процесс. И ведь совершенно недопустимо было бы, если бы вы, оставаясь в своих частных делах верными клятвам, из-за его ложного обвинения решили бы эти клятвы нарушить и, в то время как вы частные соглашения утверждаете государственным авторитетом, одновременно стали бы терпеть, чтобы любой желающий в своих частных интересах мог нарушать государственные соглашения. (25) В то время, когда еще неясно было, принесут ли подобные соглашения пользу нашему государству, вы все же торжественно закрепили их клятвами (так, что даже если бы они и не приносили пользы, все равно их надо было соблюдать). Теперь же, когда эти соглашения так прекрасно себя оправдали, что даже если бы и не было никаких гарантий, их все равно следовало бы придерживаться, — будет поистине удивительно, если вы станете нарушать эти клятвы, (26) и в то время как вы с гневом выступаете против тех, кто советует уничтожить эти соглашения, этого вот человека, который осмеливается нарушать записанные соглашения, отпустите безнаказанным. Вы совершили бы тем самым несправедливый поступок, недостойный вас самих, противоречащий тем постановлениям, которые были приняты вами ранее.

(27) Подумайте и о том, что вы должны вынести решение по делу величайшей важности. Вы подадите свой голос относительно заключенных соглашений, нарушение которых ни вам, ни кому-либо другому никогда не приносило пользы; такую силу имеют соглашения, что важнейшие основы жизни как эллинов, так и варваров определяются договорами. (28) Доверяя соглашениям, мы приезжаем друг к другу и доставляем то, в чем каждый испытывает необходимость; с их помощью мы ведем свои собственные дела, прекращаем и вражду, возникающую между частными лицами, и общегосударственные войны. Это единственное общее благо, которым мы, люди, все постоянно пользуемся. (29) Так что следует всем поддерживать соглашения и договоры и более всего вам. Немного времени прошло с тех пор, как мы, будучи побеждены в войне и оказавшись в подчинении у врагов, прибегли к помощи соглашений и клятв (в то время многие желали уничтожить наше государство); и если бы лакедемоняне осмелились их нарушить, каждый из вас проникся бы самым сильным негодованием. (30) И как мы сможем упрекать в нарушении соглашений других, когда сами в этом будем повинны? Кому покажется, что мы подвергаемся несправедливому обращению, совершаемому в нарушение соглашений, если даже мы сами не станем проявлять себя в качестве людей, ставящих их превыше всего? Какие незалоги верности мы сможем отыскивать у других, если мы станем так неблагоразумно нарушать те, которые мы сами дали друг другу? (31) Надо упомянуть о и том, что, после того как наши предки совершили на войне многие и прекрасные подвиги, государство наше благодаря этим соглашениям стяжало себе не менее громкую славу. Многие государства могут похвалиться прекрасными подвигами, совершенными на войне, но никто не укажет на государство, которое лучшим образом, чем наше, достигло примирения в междоусобной борьбе. (32) В тех делах, совершение которых сопряжено с опасностью для жизни, успех, пожалуй, чаще всего зависит от случая; то же касается нашей умеренности в отношении собственных граждан, то здесь все следует приписать только нашему собственному благоразумию. Поэтому не следует предавать эту добрую славу нашего государства.

(33) Так пусть же никто не считает, что я нарушил меру сдержанности.

и допускаю сильные преувеличения, произнося такие речи в то время, как защищаю свое собственное дело. Ведь эта судебная тяжба сводится не только к указанной сумме денег. В той же мере, как мне надо защищаться в связи с этим иском, вам надлежит защищать то, о чем говорилось выше. О последнем надлежащим образом никто не смог бы высказаться, да и штрафа соответственного назначить за нарушения. (34) Ведь этот процесс тем и отличается от других процессов, что все другие судебные дела касаются только тяжущихся сторон, в этом же деле затронуты общие интересы государства. По поводу этого процесса вы судите, произнося сразу две клятвы: ту, которую вы обычно произносите при всех других судебных делах, и другую — ту, при помощи которой вы закрепили названные выше соглашения. Решив этот спор несправедливо, вы нарушите не только законы нашего государства, но и законы, общие для всех людей. Отсюда вытекает, что при вынесении решения вы не должны руководствоваться симпатиями или чувством снисхождения, или чем-нибудь иным, а только теми клятвами, о которых шла речь выше.

(35) Что касается того, что вам необходимо придерживаться такого мнения по поводу соглашений (и вместе с тем это будет полезно и справедливо), — против этого, я полагаю, не станет возражать и сам Каллимах. Думаю, что, выступая перед вами, он будет стенать по поводу своей бедности в настоящий момент и происшедшего с ним несчастья и будет говорить о том, что он претерпел бы тяжкое и злое бедствие, если в соответствии с той суммой, которой он лишился во время господства олигархов, будет вынужден заплатить эпобелию при восстановленной демократии, и что если он тогда был вынужден стать изгнанником из-за своего состояния, то теперь, когда появилась для него возможность добиться справедливости, он вдруг окажется лишенным гражданских прав. (36) Он будет жаловаться и на то, что произошло во время переворота¹⁷, чтобы таким образом скорее вызвать у вас гнев. Вероятно, ему пришлось от кого-нибудь слышать, что вы, когда не имеете возможности схватить преступников, наказываете первого встречного. Я же уверен в том, что вы не имеете такого намерения, а что касается вышеприведенных доводов, с которыми он будет выступать, то на них я легко смогу возразить. (37) По поводу его стенаний я могу только сказать, что вам следует поддерживать не того, кто строит из себя наименее несчастного человека, но того, на чьей стороне окажется справедливость в судебном споре, по поводу которого они оба принесли обоюдные клятвы. Что же касается эпобелии, то если бы я действительно был во всем этом виноват, вы имели бы право сочувствовать ему, когда над ним нависла бы угроза наказания. Ныне же в качестве сикофанта выступает он, и вы с полным правом сможете отвергнуть все то, что он станет говорить. (38) Надо обратить внимание и на то, что все вернувшиеся в город из Пирея имеют право произносить точно такие же речи, какие произносит он, но ни один из них не дерзнул затеять подобный процесс. Необходимо, чтобы вы воспылали ненавистью к подобным людям и стали считать дурными гражданами тех, кто претерпел такие же беды, что и большинство других, но тем не менее хотят добиться для себя преимущественного права на мщение. (39) Кроме того, у него еще сейчас есть возможность, прежде чем он узнает о вашем решении, отказаться от процесса и разделаться со всем этим делом. Да и как не назвать абсурдным такое положение вещей, когда он стремится в этом процессе снискать у вас жалость к себе, будучи сам виновником того процесса, который он сам же затеял и от которого он еще сейчас может избавиться?

¹⁷ Κατήγορος δὲ καὶ τῶν ἐν τῇ μεταστάσει γενομένων — смысл не вполне ясен; по-видимому, имеется в виду то, что произошло при правлении Тридцати тиранов.

(40) Но если он все еще не может забыть тех событий, которые произошли во время господства олигархов, потребуйте от него, чтобы он оставил свои обвинения в отношении тех дел, за которые никто не будет давать отчета, а доказал, что я действительно взял эти деньги — о чем вам и надлежит вынести свое решение; потребуйте от него, чтобы он доказывал не то, каким образом он пострадал, а то, что виновником этого зла являюсь именно я, от которого он и требует возврата утраченных денег. (41) А выставить напоказ свое бедственное положение он может с успехом, привлекая к суду любого из граждан. Вы должны принимать во внимание не те обвинения, которые можно возводить и на таких людей, за которыми не значится никакого дурного проступка, а такие обвинения, которые можно выдвинуть только против действительно совершивших преступление. Всего этого, пожалуй, будет достаточно, чтобы ответить на его доводы, и после можно будет возразить.

(42) Примите же во внимание и то (хотя, возможно, кому-нибудь покажется, что я повторяюсь), как много людей внимательно следят за этим процессом, не потому, что принимают близко к сердцу наши дела, но потому, что, как они полагают, дело идет о судьбе принятых соглашений. Вынеся справедливое решение, вы создадите им условия для безопасного существования в нашем государстве; но если вы этого не сделаете, если вы выступите в роли мстителей по отношению ко всем без разбору, принимавшим тогда участие в государственных делах, то подумайте, какое будет настроение тех, кто оставался в городе? (43) Какие мысли возникнут у тех, кто знает за собой самые незначительные проступки, когда они увидят, что даже те, кто как граждане вели себя благопристойно, не могут добиться для себя правды? Представьте себе, какого можно будет ожидать смятения, когда одни будут поощрены в своем ремесле сикофанта, так как вы сами признаете за ними это право, другие же проникнутся страхом перед нынешним устройством государства, не оставляющего им никакого безопасного убежища! (44) Разве не следует опасаться того, что, нарушив клятвы, мы придем вновь к тому бедственному положению, находясь в котором мы оказались вынуждены заключить настоящие соглашения? Вам нет необходимости познавать на опыте других, какое благо представляет собой согласие граждан и какое зло — междоусобная война. Вы в достаточной степени отведали и того и другого, так что, пожалуй, и других лучшим образом сможете вразумить относительно всего этого!

(45) Чтобы не показалось, будто я по той причине так долго задерживаю ваше внимание на этих соглашениях, что по их поводу легко произносить и большие и справедливые речи, хочу добавить только одно: помните об этом, когда отправитесь к урнам для голосования. Прежде чем заключить эти соглашения, мы воевали — одни, запершись в стенах города, другие же, — захватив Пирей, ненавидя друг друга больше, чем врагов, которых оставили нам наши предки. (46) После того же как мы достигли соглашения, обменявшись залогами верности, мы живем в таком прекрасном и ко всеобщему благу устроенном государстве, как будто и не было у нас никаких несчастий. И если тогда нас все считали неразумнейшими и несчастнейшими из всех людей, ныне мы кажемся самыми счастливыми и благоразумными из эллинов. (47) Отсюда следует, что тех, кто осмеливается нарушать достигнутые соглашения, надо наказывать не только такими наказаниями, но и самым жестоким образом, как виновников величайших зол — и особенно следует наказывать тех, кто прожил это время так, как Каллимах. Ведь он во время войны, которую лакедемоняне вели, не переставая в течение 10 лет, ни одного дня не провел в строю под началом стратегов, (48) а находился тогда в бегах, скрывая свое состояние; и только после того как Тридцать тиранов захватили власть, вернулся на корабле в город. Он

говорит о себе, что является демократом, но, по-видимому, он настолько сильнее, чем другие люди, желал установления демократического строя, что даже когда пострадал, не захотел уйти из города, предпочитая скорее терпеть осаду вместе с теми, кто его обидел, чем выступать на политической арене вместе со всеми вами, пострадавшими сообща. (49) Он оставался вместе с ними, участвуя в политической жизни, до того самого дня, когда вы собрались штурмовать город, и только тогда он вышел из города, не потому, что ненавидел установленный тогда там строй, но из опасения перед грядущей опасностью, как он сам потом объяснял. Когда же после вторжения лакедемонян народ оказался заперт в Пирее, он вновь бежал оттуда и проводил время в Беотии, так что его надлежит скорее отнести к числу перебежчиков, чем к числу изгнанников. (50) И вот, выступив в такой роли по отношению к тем, кто из Пирея, и по отношению к тем, кто оставался в городе, и вообще по отношению ко всему нашему государству, он не желает пользоваться равными со всеми другими правами, но хочет иметь преимущество перед всеми, как будто он один был обижен или является лучшим из граждан, или претерпел наибольшие бедствия, защищая ваши интересы, или же, наконец, принес величайшую пользу нашему государству.

(51) Я хотел бы, однако, чтобы вы знали его так же, как я, чтобы вы не проявляли жалости к нему по поводу его потери, но вознегодовали бы по поводу того, что у него осталось. Ныне же, для того чтобы рассказать обо всех других людях, против кого он злоумышлял, о тяжбах, которые он затевал, о доносах, которые он писал, о тех, с кем вступал в заговоры, против кого лжесвидетельствовал — для всего этого мне не хватило бы времени вдвое большего по сравнению с тем, которое мне отведено. (52) Услышав только об одном из подобных им содеянных злодеяний, вы получите ясное представление обо всем его низком поведении вообще. Кратин затеял тяжбу о земельном участке с родственником этого человека. Когда дело дошло до насильственных действий, они спрятали рабыню и обвинили Кратина в том, что он проломил ей череп, — говоря, что от этой травмы она и умерла. На этом основании они подали на него в суд, что находится в Паллади¹⁸, по обвинению в убийстве. (53) Узнав об этом их злом умысле Кратин хранил спокойствие все это время, опасаясь, как бы они не переменили своего намерения и не стали строить новых козней, для того чтобы поймать их с поличным. Когда же родственник этого человека выступил с обвинением, а этот человек дал показания, что женщина эта скончалась, (54) Кратин и его друзья пришли в дом, где она скрывалась, взяли ее и силой привели в судилище. Там они показали ее живой всем собравшимся. В результате этого — в то время как судили 700 судей¹⁹, а 14 свидетелей показали то же, что он, — он не собрал ни одного голоса в свою пользу. Вызови же мне свидетелей в подтверждение этого.

С в и д е т е л и

(55) Так кто же сможет достойным образом изобличить его преступления? Кто сможет отыскать более наглядный пример низости, преступлений, сикофантства? Существуют такие преступления, которые не раскрывают всей природы людей, их содеявших, но из подобных действий легко можно себе составить представление о всей жизни преступников, которые их совершили. (56) Чего же еще можно ожидать от человека, дерзнувшего сви-

¹⁸ Палладий — древнейшее афинское судилище, где рассматривались дела о непредумышленном убийстве.

¹⁹ 700 человек были обычным числом судей во время процессов о непредумышленном убийстве, происходивших в Паллади.

15 Вестник древней истории. № 4

детельствовать о живых, что они мертвы? И тот, кто в чужих делах ведет себя подобным образом, на что только не отважится, если дело встанет о его собственных интересах? Как же можно ему верить, когда он защищает самого себя, если он изобличен в клятвопреступлении по поводу дела, касающегося других? Кто и когда оказывался изобличенным в лжесвидетельстве более ясным образом? Других людей вы судите на основании их речей, но ложность его свидетельства уже известна судьям. (57) Теперь же, зная за собой такие преступления, он осмелится утверждать, что я лгу, — вытворяя подобное тому, как если бы Фринонд стал обвинять кого-нибудь в плутовстве или Филург, похитивший горгонейон²⁰, стал бы обвинять других в святотатстве! Кому же подобает скорее всего выставлять свидетелей, показывающих о фактах, в действительности не имевших места, как не ему, который сам дерзнул лжесвидетельствовать в пользу других?

(58) Против Каллимаха можно выдвинуть множество обвинений — так он устроил свою жизнь в качестве гражданина. Что же касается меня, то я не буду говорить обо всех остальных исполнявшихся мною литургиях. Упомяну лишь об одной, за выполнение которой вы не только по справедливости проникнетесь ко мне благодарностью, но и сможете использовать этот факт как доказательство при решении всего этого дела. (59) Когда наше государство потеряло весь свой флот в Геллеспонте²¹ и оказалось лишенным своей мощи, мое поведение настолько отличалось от поведения остальных триерархов, что я один вместе с немногими другими спас свой корабль, а из этих немногих я отличился тем, что, приплыв в Пирей, единственный из всех не сложил с себя обязанности триерарха. (60) В то время как остальные с охотой избавлялись от литургий и впадали в отчаяние в связи с создавшимся положением, сожалея о потерянных средствах и стараясь скрыть остатки своего состояния — ибо они полагали, что государство погибло, и заботились только о своей собственности — я один держался иначе, чем все остальные, и, убедив своего брата принять участие в триерархии, из собственных средств уплатил жалованье гребцам, принеся тем самым врагам ущерб. (61) Наконец, когда Лисандр издал приказ о том, что если кто-нибудь привезет хлеб в наше государство, то будет подвергнут смертной казни, мы настолько благородно повели себя в отношении нашего государства, что в то время как остальные опасались привезти даже свое достояние, мы напали на судно, плывшее к лакедемонянам, и привели его в Пирей. За этот подвиг вы вынесли постановление наградить нас венком и назвать наши имена перед статуями эпонимных героев²² как благодетелей государства. (62) Следует называть демократами не тех людей, кто старается быть причастным к государственным делам после того, как дело народа победило, а таких, которые пожелали подвергнуться опасности ради вас тогда, когда государство претерпело несчастье, и испытывать благодарность надо не к тем, кто сам пострадал, а к тем, кто сделал вам добро, и сожалеть надо не о тех бедняках, кто потерял свое состояние, а о тех, кто истратил свое состояние ради вашего дела. (63) К числу последних принадлежу я, как вы видите; и я был бы самым несчастным человеком, если бы, истратив большую часть своего состояния в интересах государства, после этого был бы обвинен как человек, посягающий на чужое; и я был бы несчастнейшим человеком, если бы ни во что не ставил те обвинения, которые выдвигаются против меня перед вами — против меня, который не то что состояние, а

²⁰ Горгонейон — щит богини Афины с изображенной на нем головой Медузы — Горгоны.

²¹ Имеется в виду битва при Эгоспотамах в 405 г. до н. э., когда спартанский флот под командованием Лисандра нанес сокрушительное поражение афинскому флоту, чем был решен исход Пелопоннесской войны.

²² Имеются в виду герои аттических мифов (эпонимы, или архагеты), именами которых были названы при Клисфене аттические филы.

самое жизнь счел бы не имеющей никакой ценности по сравнению с доброй славой у вас. (64) Кто из вас не почувствует раскаяния, если не сейчас, то вскоре после этого, когда увидит, что сикофант стал богатым человеком, я же оказался лишенным и того, что у меня осталось после выполнения литургии? И что в то время как он, никогда не подвергавшийся опасности ради интересов государства, оказался выше законов и соглашений, (65) я, являясь столь ревностным защитником государства, не добился справедливого решения по своему делу? Кто не упрекнет вас, если вы, убежденные речами Каллимаха, обвините нас в подобной низости — нас, кого вы, исходя из совершенных нами дел, сами наградили венком в награду за мужество (в то время, когда получить такую почесть было совсем не так легко, как сейчас)? (66) У нас произошло противоположное тому, что бывает с другими: другие ведь напоминают тем, кто получил почетный дар, об этом, мы же просим вас, наградивших нас этим почетным даром, вспомнить о нем, чтобы он послужил вам свидетельством, что все сказанное выше о нашем образе жизни является истиной. (67) Ведь ясно, что мы оказались достойными такой почести, поступаая соответствующим образом не ради того, чтобы при торжестве олигархии грабить чужое имущество, но для того, ли свое достоинство, а нам большинство народа ответило бы благодарностью. О ней мы сейчас и просим вас, не добиваясь чего-либо в обход справедливых законов, но доказывая, что мы ни в чем не погрешили против справедливости... ²³, оставаясь верными соглашениям и клятвам. (68) Было бы страшным, если бы эти законы оказали свое действие ради людей, совершивших преступления, освобождая их от справедливого наказания, в отношении же нас, совершивших столько добрых дел, оказались недействительными. Надо стремиться сохранить установившийся ныне порядок, памятуя о том, что соглашения ввергали другие государства в состояние гражданской войны, в нашем же государстве привели к еще большему единодушию граждан. Об этом следует помнить и вынести справедливое и полезное решение.

²³ В этом месте в ватиканской рукописи имеется лакуна в 8 — 9 букв.